

Н.В. ХАМИТОВ

**ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ЭССЕ**

КНТ

Киев – 2018

ББК 87.21

X18

*На обложке – картина В. Ван Гога
«У камина».*

Хамитов Н.В. Философско-антропологические эссе. – К.:
КНТ, 2018. – 284 с.

ISBN 978-966-373-860- 4

В сборник эссе доктора философских наук, писателя и практикующего психоаналитика Н.В. Хамитова вошли эссе разных лет, объединенные экзистенциальной проблематикой – смысла жизни, смерти и бессмертия, отчуждения и понимания, одиночества и любви, перспектив эволюции человека и человечества. Исследователь творчески осваивает особый жанр – «философско-антропологическое эссе», в котором осмысление природы человека и ее коллизий пропущено через уникальность авторского опыта и переживания мира.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, ученых и всех тех, кого интересует духовный и душевный мир человека, возможности его понимания и развития.

The collection of essays by Doctor of Philosophical sciences, writer and practicing psychoanalyst N.V. Khamitov included essays of different years, combined with existential problematics – the meaning of life, death and immortality, alienation and understanding, loneliness and love, the prospects for the evolution of man and humanity. The researcher creatively develops a special genre – the «philosophical-anthropological essay», in which the comprehension of the nature of man and his collisions were transmitted through the uniqueness of the author's experience and the feeling of the world.

For students, post-graduate students, teachers, scientists and all those who are interested in the spiritual and sensation world of a person, the possibilities of his understanding and development.

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
АССОЦИАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ИСКУССТВА**

ISBN 978-966-373-860- 4

© Н.В. Хамитов, 2018

© Ассоциация Философского
Искусства, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА..... 7

Часть 1

ЧЕЛОВЕК:

МЕЖДУ УЯЗВИМОСТЬЮ И БЕССМЕРТИЕМ

СЛУЖЕНИЕ СМЕРТИ

В ФАШИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ..... 11

ОТЧУЖДЕНИЕ И КУЛЬТУРА..... 30

ПЕРСОНАЛИЗМ И ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ..... 37

СВЕРХЧЕЛОВЕК И БОГ 46

ОДИНОЧЕСТВО В ЖИЗНИ И В ТЕКСТЕ..... 67

МИФ И СИМВОЛ: ПРЕДЕЛЫ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО 105

Часть 2

ДУХ, ДУША, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

ВЕЛИЧИЕ ДУХОВНОСТИ И ТОСКА ДУШИ ... 120

ОДИНОЧЕСТВО И РОДНОЙ ЯЗЫК..... 126

ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ К. ЯСПЕРСА И

МЕТААНТРОПОЛОГИЯ: ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ

КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

И ЕГО БЫТИЕ..... 133

Часть 3

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ МИРА

ГЕНИЙ, ГЕРОЙ, СВЯТОЙ И ИХ АНТИПОДЫ.....	157
СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ.....	170
ИСТОРИЧНОСТЬ И ВНЕИСТОРИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ.....	181
ГУГЛ-МЫШЛЕНИЕ: ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВИДА «ХОМО САПИЕНС»?.....	187
ПУТЬ ИЗ ОДИНОЧЕСТВА: ОСОЗНАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ, ПОНИМАНИЕ	199
СВОИ И ЧУЖИЕ.....	215
ВОЖДЬ И ШАМАН КАК АРХЕТИПЫ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ: ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ	224
МЕТАФИЗИКА КРАСНОГО ЦВЕТА.....	247
ЭРОС И ВРЕМЯ.....	253

**Лидии Васильевне Сохань с
благодарностью за искренность
душевного и духовного
понимания.**

Автор

«Если существует философская задача, безотлагательное решение которой требуется в наш век, то это задача философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностном строении человека;... о его физическом, психическом и духовном начале в мире..., а также о его сущностных силах (возможных и действительных)... Только такая антропология способна помочь всем наукам, «предметом» которых является человек: естествознание и медицина, этнология и древняя история, история и социальные науки, психология и характерология лишь благодаря антропологии обретают философское основание и одновременно определенные четкие цели...»

Макс Шелер

«...Мыслить – не значит унифицировать... Мыслить – значит научиться заново смотреть, направлять свое сознание, не упуская из виду самоценности каждого образа».

Альбер Камю

ОТ АВТОРА

Большинству из нас хочется иметь жизненные принципы и двигаться в мире согласно им; нам представляется, что именно это делает жизнь *достойной*.

Если же жизненные принципы порождаются нашим собственным Я, а не навязываются извне, жизнь кажется нам еще *более достойной*. Именно это делает актуальной для мыслящей аудитории философскую антропологию – ту область философии, которая инициирует у автора и читателя собственные жизненные принципы и мировоззренческие установки.

Однако, наполненные благородной гордостью за ясность и самостоятельность жизненных принципов, мы вновь и вновь сталкиваемся с тем, что у Другого могут быть иные принципы. Когда от досады и тревоги по поводу этого мы переходим к *отстаиванию собственной позиции*, за некой роковой чертой безусловное исполнение принципов делает нас бесчеловечными.

Получаем парадокс: порой нарушение жизненного принципа рождает интеллигентность и благородство, неукоснительное же исполнение принципов разрушает и интеллигентность, и

благородство, затягивая в бездну *недостойного одиночества*.

Мы вновь сталкиваемся с удивительной противоречивостью природы человека. Как разрешить противоречие устойчивости жизненных принципов и необходимости их гибкости и открытости?

Один из выходов – *эссеистическое мышление и действие*. Оно является принципиально разомкнутым, в нем жизненные принципы и мировоззренческие основы пребывают в текучем, становящемся состоянии. Эссеистика – замечательное средство от фанатичности, той лихорадочной отчетливости мышления и действия, которую некритически мыслящие называют то героизмом, то святостью.

Я беру на себя смелость сделать творческий вклад в особый жанр, который назвал *«философско-антропологическое эссе»*; в нем осмысление природы человека и ее коллизий пропущено через уникальность авторского опыта и переживания мира. Это не отрицает философскую антропологию как науку; это обогащает ее образно-метафорическим видением человека, душа и дух которого вновь и вновь ускользают из клеток любых классификаций и типологий.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Философско-антропологическое эссе отличается от просто эссе постановкой неслучайных и глубоких вопросов человеческой природы. Но чем оно отличается от философского эссе? Неужели в *любом* философском эссе не присутствует осознание и переживание природы человека?

Да, присутствует. Однако это осознание и переживание может быть отодвинуто *отдельными* проблемами познания и творчества, социальными, эстетическими, этическими... Напротив, в философско-антропологическом эссе все философские проблемы вторичны по отношению к проблеме человека, которая, выступая их основой и средоточием, призывает целостность жизни и текста.

Назип Хамитов,

12 марта 2018 года.

Часть 1

ЧЕЛОВЕК:
МЕЖДУ
УЯЗВИМОСТЬЮ
И
БЕССМЕРТИЕМ

СЛУЖЕНИЕ СМЕРТИ В ФАШИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ*

«Выставь на позор фанатические народы, пытавшиеся покрыть позором тех, кто... открывал им истину».

Дени Дидро

1

Коммунизм и фашизм сходны. Эта мысль на Западе, а в последние годы и в нашей стране, стала аксиомой. Можно искать их единство в атрибутике, в способе производства, в формах политического давления и физического уничтожения личности, во внешней агрессивности и внутренней скованности миллионов...

Но нет ли тут более глубинной связи? Духовного, или, точнее, антидуховного родства?

Может быть едина *эстетика властвования*? Да, известное единство есть. Едина приверженность к ясным маршевым и вальсовым композициям,

* Идея эссе и первые 4 раздела были разработаны в соавторстве с Александром Кихно.

лаконичной бравурной кинохронике, ориентация на военизированную молодежь, мыслящую отрывисто и четко, любовь к доступным всем кино, живописи, стихам.

Архитектура, наоборот, не должна быть интимно внятна массе. Она являет мощь нацистской идеи и пролетарской революции. Она призвана подавлять. Так египетские пирамиды подавляют крестьянина и раба. Если живопись, песня, кино должны показать идеал близкий и достижимый – производят идеального Арийца или Пролетария, находящегося *здесь и сейчас* (таков, например, образ Максима из “Юности Максима”), то архитектура изображает диктатора-нацию и диктатора-класс. Они находятся *вдали*, по ту сторону привычного опыта.

Между архитектурой и жизнью, как и положено, застыла скульптура, переводящая единичное в надличностное. Но она, как и живопись, явно антична; архитектура же сориентована на Восток. Туда, где одеты камнем тысячелетия подавления огромных масс людей.

Коммунизм и фашизм совершают мистический прорыв к прошлому восточных деспотий, к их обрядовости и таинствам, вступают с ними в

интимную связь. Связь эта формирует тип вождя и идеолога обеих систем.

Архитектура – это слабость вождей. Их не интересуют сметы и расходы, им нужна запечатленность идей. Они хотят видеть здания-печати и здания-гербы; их точит жажда зданий-памятников; они втайне мечтают о зданиях-усыпальницах для своих женщин. Они не могут быть невнимательны к идеям прожектора, который предлагает грандиозный проект. Очень легко представить голову нацистского гаулейтера или большевистского наркома, участливо склоненную над огромным ватманом или макетом.

2

Но различия разительны. Это факельные шествия, противостоящие первомайским демонстрациям и солнечным парадам на Красной площади. Это монолитный стиль немецких колонн в противовес советской перестройке дружных наций, напоминающий восточный базар. Это черная эсэсовская форма, расшитая серебром и увешанная железом – идеал формы, который по способности впечатлять не смог превзойти никто в мире, – и аскетическая красноармейская гимнастерка или

френч, которым погоны добавили разве что некоторой белогвардейской вальяжности, не более. Это военизированные хоры железных девственников и советское сочетание мужских и женских голосов.

Различны ароматы тоталитарности, эстетика несвободы, очертания тотемов. Оскалились друг на друга идеологии – нации – единства крови – и класса – общности мозолей.

Различно отношение к трансцендентному – от полного отрицания его в идее коммунизма до образа прорыва в Астрал через толщу Мирового Льда.

Но для внимательного взгляда различия эти пугающе стекаются в одно русло, чтобы попасть к общему истоку.

3

Этот исток – Смерть и служение ей – *смертослужность*. Она пронизывает обе системы. Как ни странно, именно она их главная задача и высший смысл. Она стоит за утверждающими маршами и преданными глазами остриженной и гладко выбритой молодежи. Она – тайный червь грандиозных планов и проектов.

Проистекает она из замены в обеих системах христианства язычеством. Язычеством столь

древним, что оно имеет аналоги в каннибалистических оргиях и ритуалах палеолитического человека десятки тысяч лет тому назад.

Смертослужность – это привязанность обеих систем к отрицанию христианского бессмертия.

Фашизм и коммунизм – новоязыческие мифологии. Это стержень их агрессивности и жестокости. Нацистская апелляция к Богу не более чем метод борьбы, она носит прагматический характер и привлекается только в годы войны. Вспомним, как в начале ее и Сталин стал заигрывать с православием...

Фашизм и коммунизм есть *неоязычество*. Но их мифология не несет новый творческий прорыв. Это скорее падение, прыжок через тысячелетия культурных эпох к племенному бессознательному с его ритуалами огня и праха, праха и огня, который играет на вымазанной кровью улыбке грубого идола.

4

Смертослужность означает идею войны и саму войну. Борьба за урожай и культуру, – все это ее выражения. Обе системы стремятся отрицать и убивать. Война и неотвратимая тяга к ней –

метафизический и мистический акт, она вытекает из смертослужности, а не наоборот. Если индивидуального бессмертия нет, то ценность жизни в сгорании.

Создается поколение молодежи, которое призвано сгореть живьем. Факел изображен даже на пионерском значке. Огонь, боль, коллектив и несвобода – вот что окружает юного фашиста или коммуниста с детства.

Они мучают, давят, и фанатизм – единый исход, единое спасение от них.

Фанатизм – пища вождей. Тяга к молодежи, которая учится стрелять, воспитывается для умирания, для несвободы, носит паразитический и вампирический характер. Вожди упиваются несвободой, но им еще нужна и кровь. Это подсознательная жажда помолодеть и властвовать вечно. Молодежь – надежда фюреров и вождей, но они надеются на то, что она будет убивать по приказу.

Неуважение к молодежи, тайная ненависть и зависть к ней – неизбежное следствие идеи смертности души.

Старики Ирод и Пилат тоже ненавидели юного Христа.

5

В совсем особый цвет окрашена смертослужностью идея тысячелетнего рейха. Дымы крематориев застыт его небо. Багровый отсвет падает на лица белокурых бестий, врубающихся в толщу Мирового Льда.

Величие, блеск, холод...

И порядок бесконечной работы, необозримых пространств, ясных, но жестоких звезд над головой.

И пресыщенность жестокостью.

И Мировая скука.

6

Смертослужность – это игра и обряд коммунизма. Это – главная площадь страны, превращенная в кладбище. Это институт бальзамирования со своими лабораториями, подвалами, камерами и таинственными ритуалами в них... Легко представляется в одной из келий сумасшедший старик, работающий над проблемой оживления Ленина. Ему не мешают. Сотрудники проходят мимо со страхом и непонятым самим себе почтением.

Они не могут улыбаться.

Они верят.

Во что? Ни один из них не способен ответить на это...

7

Смертослужность – это вертикальная шахта под Мавзолеем, куда должна спуститься мумия Ленина в случае тотальной атомной войны.

На поверхности – мертвая пустыня, вьюги ядерной зимы, а она лежит, спокойно, сложив кисти на груди в абсолютной темноте скальных пород и будто чего-то ждет...

Чего?..

Это ужасный и холодный вопрос, как прикосновение мертвеца.

Дрожь пробегает, когда мыслишь о нем, еще страшнее вообразить.

Стерильные атеисты вряд ли могли задуматься над этим вопросом, решиться на *это*.

Это более чем почитание памяти мертвого во имя живых.

Это эстетика смерти.

Это спиритуалистическое движение потерянных христианских душ, это замогильная мистика социалистического отечества.

Это пролетарская демонология.

Фашизм знает кости и черепа на фуражках эсэсовцев, горы мертвых и перчатки из дамской кожи. Но в своем служении смерти он не доходит до этого.

Потому ли, что не успел?

8

Служение смерти коммунистическое оказалось сильнее и глубже фашистского. Коммунизм победил не только в силу необъятности просторов России и ее страшных зим.

Победила мифология. На берегу темного озера в подземной битве один демон загрыз другого.

9

Смертослужность коммунизма и фашизма выражается и в доминанте цивилизации над культурой. Тяжелая промышленность, грохот станка, мощь механизма и брони одинаково близки Сталину и Гитлеру. Машинная цивилизация для них – это *магия*, призванная реализовать желания вождей.

Их воля к власти покоится на металле.

Оба они не случайно изгоняют философию, религию, искусство, заменяя их теоретизирующей идеологией и идеологизированным образотворчеством. Им необходимо выдвижение цивилизации на передний план, логическое и образное доказательство ее первенства над культурой.

Для решения этой задачи они порождают систему анти-творчества и плеяду анти-творцов.

И над всем этим – зловещий тотем – мифология отрицания бессмертия.

10

Фашизм и коммунизм уничтожают персонализм христианства, объявляя абсолютностью не личность, а *надличностное*.

Нация и класс бессмертны, но их бессмертие особого свойства – оно основано на постоянном умирании личностного – духовно и физически; оно постоянно требует новых жертв. Это не Бессмертие, как движение в Вечность, а бесконечное *дление*, дурная безысходность, насыщенная безличностными победами.

Апокалиптичность фашизма и коммунизма есть иллюзорная попытка найти *завершение* их пассионарности.

11

Эта пассионарность – явление совершенно особого свойства. Реализованная в фанатизм личностного самоотрицания, и замешанная на идее всеобщего равенства, она была вызвана пробуждением из подсознания призраков древнейшего родового бытия. В нем было все: доминанта Силы над Добром, равенство всех перед Вождем, почетность убийства во имя рода, жесточайший контроль молодежи, безусловное первенство рода над индивидом.

Это пробуждение освободило огромные энергии, которые питали нацизм и коммунизм. Но сами энергии были призраками, они были способны разрушать и создавать лишь механически; они нуждались в личностном творческом порыве, чтобы вампирически терзать его. Уничтожая личность, они погибли сами. Нацизм раньше, так и не сумев создать по этой причине ядерных ракет, коммунизм позже, проиграв экономическое соперничество с Западом.

Породив множество странных и таинственных вещей, фашистская и коммунистическая пассионарность иссякли и вернулись в царство мертвых.

Словно финал фильма ужасов: с первыми лучами солнца демоны возвращаются в ад.

12

Фашизм и коммунизм служили смерти партийно. Но это служение не было явным. Каждая из партий имела эзотерическую стороны.

Освящение смерти, эстетизация страдания движущихся к ней тысяч людей в сталинских и гитлеровских лагерях, поэтика несвободы миллионов “свободных” в царстве тотемов и табу составили тайный подсознательный стержень эзотеризма коммунизма и фашизма.

Экспроприация экспроприаторов или просто евреев – акт самоценный и замыкающийся на себя...

Безусловно, партии создавали перспективы и программы, но лишённые понимания индивидуального Бессмертия, – выражения высшей личностной ценности – программы и перспективы эти теряли реальность под собой.

Партии индивидуально развили свои страны, но эта индустриализация была лишь прелюдией милитаризации; они уничтожили безработицу и навели порядок, но за счет таких страданий и такой несвободы духа, что все их материальные успехи в результате оказались не более чем жалким подражанием процветанию свободных стран.

13

Можно ли считать, что смертослужность является исключительно фашистским или коммунистическим явлением?

Нет. Она проявляется там и тогда, где и когда языческая стихия, стихия примитивного материализма подавляет христианство.

Языческий характер так называемого атеизма очевиден. Вместо Абсолютного Добра как высшей ценности появляются ценности иного характера – *ценности Силы* – Государство, Класс, Вождь. *Воля к возвышению* заменяется *волей к власти*.

Именно языческий атеизм рубежа XVIII – XIX веков породил смертослужный дух XX, родившийся и восставший со звериным оскалом в 1914 году. С этого года смертослужный демон – планетарное явление, мощная стихия нижних слоев ноосферы,

форма ментальности, покрывающая континенты. Первая мировая война – его детство, вторая – бурная юность, будет ли зрелость?..

Сегодня он демон не просто мировой войны, но и Мировой Смерти. Фашизм и коммунизм – его наивысшее выражение – и с угасанием каждого из них он терял важнейшие источники и составные части. Хочется надеяться, что СПИД – его тайное проявление, станет и завершением его, но таким, которое не погубит человечество.

Растущая христианизация мира, единение течений христианства в одно великое целое – надежда на то, что Апокалипсис будет все-таки Светлым.

Христианство есть открытие Вечности как всеединства времен, трансцендентно иной жизни после смерти и Вечной Любви. Смертослужность коммунизма и фашизма начинается с отрицания этих ценностей и, прежде всего, индивидуального бессмертия. Это акт слабости. Это падение ниц. Постигание индивидуального бессмертия есть мужество и неустанная работа духа, его высшее напряжение и оргастический порыв.

Но воля к смерти обеих систем не возникла на пустом месте. Две фигуры, выросшие из атеизма Фейербаха – Маркс и Ницше – породили мифологию смертослужных систем. Они воссоздали, ярко и убедительно, языческую трагичность распада личности, оставив ей гуманную возможность посмертного бытийствования в поступке и артефакте. Они вырастили неязыческое обожествление рода в процессе материального производства и Смертного Сверхчеловека.

Сверхчеловек как смертное существо оказался настолько слаб, что был полностью поглощен стихией рода – рода-нации и рода-класса.

Маркс и Ницше, такие противоречивые внешне, едины внутренней глубинной связью, это сиамские близнецы идеи индивидуальной смертности, ее трагические заложники. Они едины и ненавистны друг другу, как едины и ненавистны друг другу коммунизм и фашизм.

Более того. Фашизм непостижим без Маркса, русский коммунизм невозможен без Ницше.

Вождь класса и партии – о, как посмеялся бы Ницше над ним, представив в качестве

Сверхчеловека! Но невеселым и страшным был бы его смех; он сам породил это унижение... И Марксово родовое, поглощая сверхчеловеческое, порождает плеяду фанатичных последователей.

Они многолики и имя им – легион. Это целое эволюционное дерево со своими дуплами, усохшими ветвями и опавшими листьями.

Линия Плеханов-Ленин – главная из них.

Это ствол.

Ленин есть Идеальный Марксист. Поражают энергия и воля Ленина, его направленность и личная неприязнь к Богу.

Как истинный марксист Ленин пленен родом настолько, что никогда серьезно не понимал Ницше, его трагичности и его порыва. Он никогда не обладал аристократичностью; слова “возвышенность духа” были для него только слова.

Ницше вошел в него через коллективное социал-демократическое бессознательное. Другого бессознательного Ленин не знал...

16

Есть род-Пролетариат.

Есть род-Династия.

Фейербах, Маркс, Ницше, Ленин, Сталин...

С Хрущева династия обрывается...
Фашизм вместо Ленина-Сталина имеет
Гитлера.
Двухголовая змея...

17

Почему Фейербах поставлен впереди? Этот остроумный солнечный мыслитель, говорящий о величии человека и безграничности любви?..

Именно он впервые взял на себя труд доказать индивидуальную смертность человека.

1846 год. “Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии”. Великий гуманист Фейербах скрупулезно, пункт за пунктом, подыскивает доказательства ограниченности человека как доказательства *теоретические*. Сейчас мы возвращаемся к одной из самых глубоких истин человеческой истории – трансцендентное недоказуемое и неопровержимое логически. Выбор бессмертия – этико-эстетический выбор, выбор совести. Но тогда, в эпоху мифологизации науки они стали решающими.

Ницше возможен без Маркса. Но ни Ницше, ни Маркс невозможны без Фейербаха.

Его сочинения перекрасили ментальность Европы. Возникает массовая нигилистическая интеллигенция, ищущая смысла лишь во времени, а не в Вечности, в социальном переустройстве, в равенстве бездуховных и смертных. Маркс – один из многих.

Историческое христианство слишком слабо творчески, чтобы дать ответ. Он возникает позже – в русской классической философии – и, прежде всего, в системах Владимира Соловьева и в наибольшей степени – Николая Бердяева, явивших миру вместо безбожного Сверхчеловека, стиснутого рождением и смертью, Богочеловека и Богочеловечество.

18

Перейдя в коллективное бессознательное немецкого и советского этносов, идея индивидуальной смертности стала идеей индивидуального ужаса. Ужас этот – запретный и глубоко скрытый в подсознание. Но этот Глубинный Ужас ворочается там. Это Великое Лихо коммунизма и фашизма.

Оно не дает возможности быть свободным.

Все достижения германского и советского этносов, все личностные победы – есть результат преодоления этого ужаса.

Все они носят христианский характер.

19

Если есть родственная линия, линия клана Фейербах – Маркс – Ницше – Ленин – Сталин, то может ли она иметь продолжение?

Какая сила и воля во Вселенной направляет эту династию?

Не означает ли возможность ее возрождения *абсолютное единение* коммунизма с фашизмом? Представление об этом столь же ужасно, как и воспоминание о вертикальной шахте под Мавзолеем.

Эпоха Святого Духа противостоит эпохе Подземного Мавзолея.

Каждый из нас делает свой выбор.

1990

ОТЧУЖДЕНИЕ И КУЛЬТУРА

1

Если принять, что в объектах культуры дух реализуется не полностью, то вся изучаемая нами история культуры есть история отчужденного духа. Живое взаимоотношение персон эпохи не дано *исследователю* во всеоружии позитивных методов. История доступна не историку, а поэту. Фантазия – необходимое условие постижения истории, условие про-живания истории и преодоления отчуждения от набора древностей в музеях. Эпос, а впоследствии исторический роман, более значимы, чем летопись.

Именно произведение искусства может сказать что-то действительное об исторической эпохе. Конечно, его герои движутся в собственном мире, и их движение есть форма воссоздания истории *по-новому*. Повторить историю нельзя. Да и нужно ли? Нужна ли история вне нашего фантазирования и интерпретации? На первый взгляд, кажется – да. Нужны хроника-скелет и образное оживление хроники. Но до конца ли мы осознаем, какую роль играет образное наполнение истории культуры? Выступает ли хроника выражением *настоящей истории*? Событие нанизывается на событие вне их

глубинной связи, просто потому, что одно следует за другим. Все новые костюмы надеваются на своих ветхих предшественников. Является ли историей, например, тысячелетия монотонного совершенствования каменного рубила? Насколько человечна инстинктивная монотонность этого процесса?

Вряд ли стоит спорить с тем, что история культуры есть история уникальных произведений, меняющих лицо эпохи, история их авторов, а также история воли к власти, осуществляющий на этой основе мировые катаклизмы. Можно сказать так, вне этой истории мы не найдем культуры. И добавить: лишь художественное произведение способно воскресить ее, преодолеть отчужденность от жизни.

Но проблема корениться глубже: дух не реализуем до конца в материи произведения. Отчужденность проявляется не только в отношении к прошлому и далекому, но и к настоящему, более того – к *своему*.

Трагизм проблемы, составляющий тайный стержень европейской метафизики, заставляет обратиться к ней с особым вниманием.

Когда я говорю, что культура отчуждена от полной жизни духа – как понимать это? Дух в течение жизни застывает в неких формах, но он не может войти в них до конца. Он подобен Дон Жуану, который не может принять полностью ни одну земную женщину. Всегда остается что-то неуловимое, дух-в-себе, нечто более богатое, чем совокупность произведений.

Что это? Кормление ребенка с ложечки или рассматривание его фотографий, более значимых для кого-то, чем все сокровища Эрмитажа и Лувра? Загородная прогулка с близкими друзьями? Все то, что называется душевностью?

Нет, речь идет не только об этом. Дух-в-себе не есть поток жизни пассивного индивида в социуме. Это явление внутри самого творца культуры – результат противоречия идеи и ее воплощения. Это грандиозность замысла, *выполненного недостаточно грандиозно.*

Но дух-в-себе и беднее, чем совокупность его творений, ибо произведение – бытие духа на пределе. В нем непосредственно-мифологически разрешает то, что не разрешимо в жизни.

Как объединить культурное и вне-культурное? Или точнее: как осуществить сублимацию пред-культурного и эманацию над-культурного в культурное? Такое слияние может быть в личности гения. И вместе с тем, все элементы человеческого мироздания в нем наиболее отчужденны. Пред-культурное спорит в личности гения, разрыв здесь наиболее трагичен и страшен. Гений – актуальная модель взаимоотношения пред- и над-культуры. И результат этого взаимоотношения – одиночество гения.

3

Культура растет как дерево. Только солнце находится не вне, а внутри нее. В этом – опасность. Гении, творящие парадигмы и архетипы, способны испелить культуру. Каждое гениальное произведение есть выход за рамки культуры в потусторонние миры.

Отчуждение метакультуры гениев и культуры – необходимое условие существования последней. Без него культуры просто нет. Но отчуждение это само порождает свое преодоление.

4

Гении творят мифологии. В них все грани отчуждения культуры сняты. Мифология – это культура в ее идеально-выдуманном бытии. Познать какую-то культуру – значит познать ее мифологию. Но каждая мифология стремится снять не только внутренние отчуждения, но и нечто трансцендентное – в культуре лишь осознаваемое – отчуждение замысла и его оформления – самую глубинную форму отчуждения. Это ставит ее в оппозицию ко всей остальной культуре. Мифология выносит себя за рамки культуры вообще, но вместе с тем выступает ее почвой.

5

Каждая культура нуждается в мифологии. Каждая культура отчуждена от мифологии. Отчужденность эта аналогична отчужденности Человека и Бога. Мифология – «свое-другое» культуры, но другое *не качественно, а трансцендентно.*

Можно предположить, что в наше время – доминирования компьютера и понятия – отчуждение от мифологии возрастает. Некоторые даже считают,

что можно говорить о демифологизации сознания современного человека.

Так ли это? Способна ли культура существовать без мифологии – мира, в котором разрешаются все неразрешимые противоречия? Скорее всего, мы можем говорить об отдаленности (может, чисто геометрической) мифоценностей европейской культуры от нашей жизни и обязательности трагического их переживания. Наш современник живет во всевозрастающем потоке стандартизированных вещей, культурные же ценности должны пребывать вне этого потока.

Для пояснения этой мысли можно привести парадокс небоскреба и замка. Лучше видеть из окна небоскреба замок, чем жить в замке, из окна которого виден небоскреб. В первом случае – окруженные стандартизированными вещами, мы видим культуру вдали как уникальность. Во втором, – имеем культурное близкое и мир цивилизации вдали – вокруг. Нужно отступить от явления для того, чтобы понять его значимость. Отчуждение здесь поворачивается другой стороной – это отчуждение–ностальгия, отчуждение–сентиментальность. Мы ярче переживаем те явления культуры, которые начинаем утрачивать.

В другие времена, возможно, было иначе. Трагическое чувство отчуждения культуры и ее мифологической кроны для человека XX века – одно из наиболее сильных. В этом причина разорванности и силы этого человека. Но трагедия, как это было всегда, не может не иметь завершения. Она означает определенный рубеж.

За ним либо пропасть, либо проявление новой мифологии – *мифокультуры*.

1992

ПЕРСОНАЛИЗМ И ИДЕЯ БЕССМЕРТИЯ

1

Преимственность Я духовного и формы телесности в течение жизни человека – сам феномен индивидуальности – наполняет нас мыслью о том, что за индивидуальностью кроется нечто более глубокое и вечностное. Это нечто принято называть личностью или персоной. Материя человеческого тела разлагается, восстанавливается, наконец, разложение начинает доминировать, однако индивидуальность не растворяется в ней, а персональность почти свободна от нее. Хор материального Мы не способен заглушить голос Я-персоны. Персона – иное, чем Мы, и это иное – в свободе. Границы инаковости Я – безграничность свободы. Эта свобода позволяет предположить – почти во всех известных культурах, – что персона как свободное Я – бессмертна.

Бессмертие воспринимается вначале лишь как *бесконечное телесное бытие* без потери индивидуальности – Вальгалла древних скандинавов или инкарнационный ряд индусов. Это – архетип всех развившихся языческих традиций.

Затем бессмертие принимается как *свобода от телесности*, пронизывая все мировые религии.

И, наконец, оно обозначает *обновленное бытие персоны в телесности*.

Новые отношения персоны с материей неизбежно предполагают метаморфозу самой персоны. Новая земля и новое небо являются условием и результатом появления нового человека. Эта идея – *идея апокалиптического изменения человека в мире и мира в человеке* – наиболее напряженный мотив мировых религий, их бытие на пределе.

2

Идею бессмертия знает любая культура. Более того, *именно идея бессмертия делает культуру культурой*. Атеистические цивилизации Новейшего времени делают бессмертными род и материю – так, как они воспринимались десятки тысячелетий назад в дорелигиозном анимистическом сознании палеолита и мезолита.

Атеистическое сознание считает бессмертие материи самоочевидностью. Однако почему бессмертная несотворимая и неуничтожимая материя более бессмертна, чем персона –

самосознающий индивидуальность принцип организации материи? *Почему бессмертно индивидуальное?* Атеист Новейшего времени столь же мало способен ответить на эти вопросы, как гейдельбергский человек. Ответом на них будут лишь эмоции воинствующего материализма.

3

Атеистическое сознание в принципе не дает развернутого логического или эстетического ответа на эти вопросы. Оно может опираться лишь на некую самоочевидность акта смерти, после которого прерывается общение с персоной. Однако смерть общения может означать и оживание персоны в ином, трансцендентном бытии. Принятие же трансцендентного слоя недоказуемо логически и невыводимо из социальных отношений. Это экзистенциальный выбор персоны, выбор эстетико-моральный. Трансцендентное требует экзистенциального и оживает в человеке только через экзистенциальную наполненность. Душа как категория бытия персоны в современной культуре отличается от психики именно экзистенциальной напряженностью, поэтому идею бессмертия души можно только *пережить*. Пережить в качестве

запредельного бытия души. Иная тотальность переживания делает невозможным постижение бессмертия персоны.

4

Персона есть бессмертная индивидуальность. Индивидуальность предшествующего органического мира, находящая свое высшее выражение в млекопитающих, получает в персоне свое принципиальное завершение. Персона – в отличие от индивида – есть микрокосм, сопоставимый с макрокосмом и имеющий в себе все основные атрибуты его, в том числе бессмертие и вечность.

5

Атеистическая цивилизация вообще и цивилизация русского коммунизма как ее апогей принимают идею вечности как идею памяти о первопредке. Таков образ Ленина и связываемые с этим образом бессмертие и новая жизнь. "Ленин и теперь живет всех живых", "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить" – эти и им подобные изречения свидетельствуют о восприятии Ленина как тотемического прародителя, уничтожившего

предшествующий миропорядок и создавшего новый. Образ Ленина выступает поэтому не просто образом безбожника, а образом Противобога, Великого Воинствующего Материалиста. Он – единственная персона, которой мать-материя дает возможность получить кроху своего бессмертия. Однако это бессмертие, полученное от великой материи, не может быть персональным. Образ Ленина схематизируется, тиражируется до тех пор, пока не превращается в вещество, которое перестают отличать от другого вещества. Атеистическая цивилизация может иметь память о персоне только в течение двух поколений. Материя имеет память, необходимую лишь для воспроизводства подобного; это память капли о туче, ее породившей, – беспомыслие Вечного Возвращения, это генетическая память – инстинкт животного. При резком нарушении условий среды эта сверхрациональная память становится безумием, ибо процесс припоминания вызывает к жизни абсурдные действия.

6

Материализм удаляет из материи дух как бессмертный и персональный принцип; материя

превращается в субстанцию. В результате материя становится демоническим началом, пожирающим себя и своих ценителей. Нигилист Базаров умирает от трупного яда, марксист Ульянов-Ленин растворяется в забвении.

7

Материализм есть обожествление Мы, стихии, где снято различие между любыми монадами, где иерархия присутствует лишь как временная воля к власти над *веществом народа и природы*.

Бессмертное Мы, замкнутое в кольцо вечного возвращения к себе, делает нелепой экзистенцию и историю человечества. Его бесконечное дление, сотрясаемое большими взрывами, есть лишь пародия на Вечность как Всеединство Времен.

Персонализм как последовательный абсолютизм исходит из Я – самоценной бессмертной монады, доводя экзистенциальное до онтологического, а онтологическое делая экзистенциальным.

Отчужденное от идеи бессмертия души коммунистическое сознание теряет память-смысл и память-традицию и превращается в коммунистический инстинкт. Коммунистический

инстинкт требовал жертв; сталинские репрессии – не произвол одиночки, они имеют внеперсональную природу. Репрессии есть условие восстановления памяти о будущем; восстановление через борьбу с врагами этого *коллективного будущего*.

Но признание в качестве бессмертного начала Я не обязательно означает отказ в бессмертии всему внеперсональному – напротив, оно получает тенденцию наполняться персональностью и свободой.

8

Персонализм есть возвышение отношения Я к окружающему миру от абстрактного не-Я – отчужденного эха Я, – того объекта, который должен быть познан и подчинен – до *действительного Мы* – мира проявившихся и потенциальных персон.

Мы, наполненное эманациями бессмертного Я, утрачивает свою самодовольную вещьность, становится жизненным миром Я. Этот жизненный мир превращается в жизненный благодаря *экзистенциальному излучению Я его составляющих*.

В результате появляется племя, этнос, культура.

Все это позволяет рассматривать культуру как систему личностных начал и, более того, как интегральную персону. Это означает, что *культура сама обладает жизнью, смертностью и бессмертием*. Время проходит, уничтожая (или, точнее, релятивизируя) лишь материальное в ней. Истинные ценности культуры пребывают в Вечности – там, куда не добираются политические влияния и идеологические воздействия. Культура есть Я, поэтому она свободна от Мы-цивилизации.

Однако каждая из существующих (и существовавших) на планете культур лишь бесконечно близко приближается к бытию в качестве личности. Отсюда их смертность – оборачивание в материю цивилизации и биологической жизненности, а также одиночество в пространстве и времени человеческой истории. Это одиночество капли в море и песчинки в пустыне. Это одиночество *культуры среди культур*. Это одиночество *культуры как национальной культуры*. Культура бессмертна лишь в высших своих достижениях – там, где ее жизненность превосходит жизненность цивилизации, биологической природы и предкультурно-хтонической стихии этноса. В этих произведениях она наиболее лично окрашена

или, точнее, тождественна личности гения. Такая личностная окрашенность и полнота делают культуру мифологией. Она подчиняет себе хтоническое предкультурное начало и воскрешает безжизненные формы себя самой.

Соки жизни начинают струиться по этим формам, спящее в книгах и симфониях Я пробуждается. Это пробуждение есть одновременно выход из времени и овладение им.

10

Я как живой процесс мироздания существует вне времени именно потому, что оно *владеет временем*. Это существует в актах полагания цели (воображения), действия-достижения (воплощения) и воспоминания. Три временных измерения, разделенные в природе и социуме, объединяются в личности, творящей и оживляющей миф. Истинная личность есть *едино-*временное воспоминание о прошлом и создание будущего.

Это вечностное звучание личности есть намек на ее бессмертие в прошлом и будущем и могущество проникновения бессмертия в настоящее.

1993

СВЕРХЧЕЛОВЕК И БОГ

«Человек есть нечто, что должно быть преодолено. Что сделали вы, чтобы преодолеть человека?»

Фридрих Ницше

«В человеке есть все – от минерала до Бога. И желание Бога в человеке, то есть стремление его духа, сознающего свое единство с бесконечным сознанием вселенной, не могут быть гармоничны с инерцией камня, с его стремлением кристаллизироваться, с сонным переливанием соков в растении и с медленным поворачиванием к солнцу, с зовом крови животного...»

П.Д. Успенский

Сверхчеловек явился в XIX веке, безумное и сумрачное детище эпохи мистических теорий эволюции и паровых машин. Он сошел со страниц ненаписанных книг, но не спустился в мир. Подобный олимпийским богам, он остался на вершине, где разряженный воздух холодит легкие, как сторож Мирового Льда. Этот воздух убивает непосвященных. Посвященный же поднимается все выше и выше, отбрасывая тени и лохмотья старой веры, цепляясь окоченевшими пальцами за ледяные уступы, обнаженный *движением до конца*, восходит он на последнюю площадку.

И раздвигает руками завесу метели. О ясное и чистое небо вершины!

Внезапно какая-то фигура появляется рядом с ним. Посвященный напряженно и радостно смотрит на нее.

И видит, что это...

Заратустра.

Посвященный поражен. Обнаженный дух его содрогается.

Нечем укрыться. Нет веры.

Небо чернеет. *Мировой Лед* черного цвета.

Ибо Заратустра не есть Сверхчеловек.

Это открыто каждому Читателю, но иначе это воспринимает Пилигрим. Он *знает* это, но хочет *видеть* Заратустру Преобразившегося. Однако все тот же пророк и вестник стоит перед ним. И тяжелы его глаза. И улыбки нет на губах его. Напрасно ищет Поднявшийся одобрения. Его не может быть.

Ибо Заратустра – это человек.

Он подходит к Поднявшемуся, худой и суровый. Суровость – последнее прибежище его.

– Зачем ты пришел?

– Я искал...

– Час еще не пробил.

– Я ждал...

– Спускайся.

Поднявшийся видит, что пророк сказал уже все. И понимает, что вершина это только для Заратустры. Здесь нет места второму. Ни Человеку, ни Сверхчеловеку.

И он идет вниз, и льды тают, черные ручьи обгоняют его, и трупный запах абсурда поднимается к нему из долины.

2

Поднявшийся стал Посторонним.

Он потерял и вершину, и дом. У него нет больше веры. Замена Бога Сверхчеловеком лишила его сил. Дом его посетила чума. Или оспа. Друзья – это жалкие оспинки на лице бытия. Знаки зажившей болезни. Сущность есть лишь иллюзия глубины. Старая сущность погибла, новая стала существованием.

Нет вертикали. Горизонталь смыкается в кольцо. Возврат вместо вечности.

Абсурд и время окружают Постороннего. Они остались единственными очевидностями. До смерти. И спасением от абсурда, времени и смерти становится *бытие*.

3

Бытие – категория, которая позволяет сохранить священное, ничего не говоря о священном. Прояснить видение Бога, умалчивая о Боге. Пережить бессмертие души, думая о бессмертии обыденности. Это те границы, в которых *священное мутирует в сущее*.

Когда Посторонний говорит "бытие", он чувствует относительную устойчивость в абсолютной неустойчивости XX века.

Бытие – это последний осколок классического в неклассическом, последний мостик между ними. Категория бытия наполнена мощью, недоступной для абсурда. Все, что достойно быть, – осмысленно, все, что имеет смысл, – достойно бытия.

Сверхчеловек в XX веке разворачивается в мифическом бытии-ожидании. Абсурд не коснулся его. Он – на вершине. Только не стоит подниматься туда, чтобы не встретить пустоту.

4

Фридрих Ницше есть мистификатор, требующий уничтожения мистицизма путем *додумывания до конца*, и лжец, желающий абсолютной честности. Он обманул всех, поверивших ему. Его талант убеждать обманул его самого, а тайная страсть господствовать сделала Господином Пустой Вершины.

Ибо Заратустра – это великий Ницше.

Ибо Вершина эта для всех и ни для кого.

Но почему ?..

5

Ответ пугает своей очевидностью.

Сверхчеловек уже был до Ницше.

И не такой, как в туманных изречениях Заратустры, а живой.

Гордящийся и действующий.

Это Люцифер.

6

Люцифер есть Сверхчеловек, ибо упал он сверху.

Чувство ревности к человеку так захлестнуло его, что заставило *упасть в человеческое*. Но он пробил человеческое и упал еще ниже. Человеческое, слишком человеческое, находится над ним. История Люцифера есть история будущего безбожного Сверхчеловека, которую не смог написать Ницше. Он вернулся в античность, а оттуда эта перспектива не видна. Нужно подняться над горизонтом античности, чтобы понять, что есть Сверхчеловек.

Главное для него – стать Богом. Не самим собою, а Богом. Если Сверхчеловек в мысли желает стать Сверхчеловеком в жизни, он обречен лишь на

критику жизни. Таков Заратустра, и такова трагедия его.

Единственным *Сверхчеловеком Проявившимся* в истории был Сатана. И явился он не снизу, а сверху, упав из Богоподобного, Богочеловеческого мира, в котором был Самым Любимым. И поэтому он становится *Подчеловеком, демоном*. Сверхчеловеческое, отринувшее Бога, всегда становится Подчеловеческим. Оно мучимо рукотворным абсурдом и вынуждено бесконечно вкатывать на Одинокую Гору камень своей гордыни и зла. По ту сторону добра и зла тоже лежит выбор между Добром и Злом. Только Добро превращается во Вселенское Дерево, а Зло разливается в океан у подножия его. Выбор становится настолько глобальным, что возникает желание уйти от любого выбора. Сверхчеловек, порожденный Ницше вместе с Заратустрой, уходит от выбора, возвращаясь в стихию энергий и волю, разлитых в биологической природе человека.

Но в мире людей невозможно полностью вернуться к биологическому. Биологическое становится демоническим. Большевизм и фашизм – проявление его, жуткие синкретические формы, извращающие идею Сверхчеловека и христианского Апокалипсиса.

Ницше находит категорию-ступеньку для прояснения своего видения Сверхчеловеческого. Это – *дионисийское*. Дионисийское есть канат, соединяющий зверя и человека. Инстинкт и воля природы объединяются с алкогольным экстазом культуры, изобретенным человеком-зверем для торжества зверя и человека. Это объединение выражается в пляске и игре и завершается эротическим торжеством, бурлескным взрывом, питающим бессмертное божество виноградариков.

Дионис, понятый буквально, может остаться Дионисом лишь в рамках античности – в пространстве-времени теплого моря, бронзового оружия, амфор с вином и маслом, покорных рабынь и мужчин, не знающих бюрократии и брюк, порожденных ею. В культуре, отделенной от античности Священной Римской Империей, рыцарями Круглого Стола и Кельнским собором – всем тем, что вызвано к жизни Воскресением Христа, – Дионис, оставаясь лишь Дионисом, превращается в Дьявола. Но Ницше и Заратустра не способны признать это – они отрицают современность во имя прошлого. Вечность христианской культуры с ее

глобальным сражением Добра и Зла и апокалиптическим завершением этого сражения воспринимается ими как несуществующее, как фантом. Им хочется языческого круговорота древних стран и языков. Но можно ли оценивать христианскую культуру с точки зрения этого круговорота? Что может понять Дионис в Христе? Он просто не способен увидеть его.

Для того чтобы увидеть Христа, Дионису нужно стать Дьяволом. Или Ангелом. В устах Ницше он тяготеет именно к Дьяволу. Но Дьявол истинный и дьявол-Дионис не способны уничтожить идею Бога. Несмотря на историческое прозрение Заратустры, они отрицают не бытие Бога и даже не Его все-могущество, а *причастность человека к Богу*.

И здесь Дионис погружается в Дьявола, и исчезает в нем. И усилившийся энергией античности Дьявол желает искушать человека с новой силой. Он хочет сделать его таким же Сверхчеловеком, как сам, но поднимая снизу, от животного.

Однако этот подъем есть падение. Пусть даже падение вверх. Здесь наверху одиноко и сумрачно. И нет обещанного могущества. Ибо никакой человек не может стать Дьяволом. Гордыня Дьявола никогда не позволит человеку достичь этого. Поэтому воля к

власти, направленная к безбожному Сверхчеловеческому, имеет свой жестокий предел.

И доведший до этого предела либо находит в себе силы вернуться к Богу, либо сходит с ума на пути к абсурду.

8

Жажда Сверхчеловеческого с принятием идеи и бытия Бога безгранична – в силу Абсолютности Бога. Смирение становится здесь высшей гордостью, ибо оно есть условие движения за пределы человека. Фейербах, который заявляет, что смирение обедняет, ибо отдает все лучшее небесам, закрывает глаза на то, что человек еще *не пребывает во всем лучшем*. Признание обыденности *нормальной* обедняет гораздо больше, чем *видение обыкновенного жалким*. Второе с необходимостью ведет к смирению перед Абсолютом, а потому – к движению на пути к нему. Движению за пределы себя.

Можно отрицать смысл и исход этого движения. Но невозможно побороть в себе стремление к нему. Любой абсурдист помнит, что всего лишь *стал абсурдистом*.

Отверженность от Бога приводит Сверхчеловека к абсолютному одиночеству. Это

одиночество *завершившегося* Люцифера и *незавершенного* Заратустры. Одиночество *Искушающих* *Сверхчеловеческим*. В пространстве этого одиночества есть сонм демонов и звери Заратустры, но нет человека. Отсутствие идеи Бога не позволяет человеку проявиться ни в старом, ни в новом качестве. Только нечеловеческое – звериное и демоническое – наполняет бесконечное время Отверженных. Наполняет Абсолютным Подчинением и Мировой Скукой.

Вокруг только Испушенные и Погибающие. Общение с ними невозможно. Над ними простирается лишь Скорбь Сатаны и равнодушие Заратустры.

9

Сверхчеловек без любви к Богу есть демон.

Величие Ницше заключается в том, что он, видя и предугадывая еще большее увлечение обыденностью в мыслящих кругах, заявил: человек обязан двигаться за пределы обыденности. И двигаться сам. Падение Ницше проявилось в том, что он вызвал к жизни демонизм, сводящий с ума и называемый *ясностью*, а также вырастил истерическую гордыню, лишшающую

персональности. Сверхчеловек Ницше оказался мертворожденным; в силу мертвенности своего отношения к Абсолюту, он застыл на несуществующем пьедестале во Вселенной абсурда.

Он стал игрушкой в мечтах тоталитарных политиков и превратился в ужасного призрака, которым либеральные режимы пугают своих пассионариев. Абсурдисты высмеяли его, а *гуманисты поспешили казнить* – вот судьба Сверхчеловека Ницше в конце XX века.

10

Однако философская культура современности породила и второе понимание Сверхчеловека – историческое. Расовые предтечи человека, погибшие во вселенских катастрофах, – таковы Сверхлюди Блаватской и Горбигера. Это, конечно, и Пред-люди, но формы культуры и могущество психики, развитые тысячелетиями восхождения под рассветами и закатами юного солнца, делают их Сверхлюдьми. Плоский эволюционизм Дарвина, целиком находящийся в антропоцентрической традиции Фейербаха, противостоит им. Но дарвиновская теория эволюции человека – не меньший миф, чем антропогенезис Блаватской; обломки черепов

обезьянолюдей в музеях не реальнее Баальбекской веранды и странных рисунков пустыни Наска.

Итак, Сверхлюди *уже были*; капризы природы и надприродного погубили их. Но мудрость древних культур сохранилась где-то. Как и их создатели, спящие в саркофагах. Фантазия влечет последователей этой традиции в подземные странствия.

Пробудить спящего Сверхчеловека и служить ему – это становится бессознательной целью. Мистический поиск отворачивается от Неба. Восхождение излишне. Человек уже достиг своего человеческого пика. Небо может проникнуть в него лишь в качестве элемента. И будущее заменяется прошлым не до конца. Однако *Прошлые* торжествуют в нем.

Будущее становится воспоминанием. Странной тенью прошлого, отбрасываемой настоящим. Такое будущее есть лишь оживающий миф о прошедшем. Грядущее человеческой расы – только достижение предшествующего могущества, даже если это и не постулируется.

Отвергнутое Небо-Будущее рождает тоску Постороннего как Мистического Археолога и Историка. Линия и спираль истории превращаются в кольцо.

Мировой Лед искрится, кольцо ждет своего Властелина. И Властелин приходит. Избранные созидают и видят образ Его. Образ пульсирует, разрастается, скоро он будет *реальностью в мире вещей*.

Фазы Луны сменяются в ожидании. Тревожное солнце ждет, расцветая и сворачиваясь в огненный бутон. Ночи и звезды призывают прежнего Господина.

Тоска Постороннего... Сгущение ее становится ужасом. Сверхчеловек могуч. И *должен* проснуться. Подняться и увидеть нас. И в мире, лишенном Абсолютного Добра, ничто не сдержит Его. Он будет жесток, и вся история будет на пальце Его. Что Ему люди новой мелкой расы, заселившие, подобно муравьям, огромный и прекрасный мир во время сна Его?..

Ужас перед Сверхчеловеком – вот что объединяет все концепции его в XX веке.

Выход человека в космос связал идею Сверхчеловека с инопланетянином. Внутренняя эволюция сменяется нашествием извне. Небо как сияющая твердь, разделяющая Человеческое и

Божественное, превращается в *небеса* – черную бесконечность с мириадами звезд и шариками обитаемых планет. Переживание бесконечности Вселенной, доступное ранее одиноким ученым умам, становится массовым.

Фантазия вспыхивает, и пришельцы со звезд ступают на Землю. Но эти дальнерожденные Сверхлюди *опять* преимущественно демоничны в своей психике – наполнены стремлением уничтожить человеческий род в борьбе за место под желтым Солнцем. Такова длинная галерея существ, начатая чудовищными марсианами Уэллса.

Это те же средневековые дьяволы, прилетевшие из-за пределов конца мира на ракетах с излучателями антиматерии. И литература "фэнтези" конца XX века больше стремится подчинить демонического инопланетянина хозяину-Сатане.

Другая категория Сверхлюдей-инопланетян просто туманна и таинственна, и эта таинственность поглощает все другие определения. Таковы Странники Стругацких. Но туманность их – не просто литературный прием. Она имеет все тот же источник, что и туманность Заратустры по отношению к его Сверхчеловеку.

И, наконец, это люди, сами выступающие Сверхлюдьми-инопланетянами для *иных миров*. Они идут в космос искушать эти миры этикой и волей.

Та же необходимость, которая заставляет Люцифера восстать против Бога, заставляет авторов назвать своих Сверхлюдей богами. Эти люди-как-боги, коммунистические по содержанию и античные по сути, населяют утопические романы, но по мере эволюции они все больше приходят к трагическим финалам. Эти финалы множатся, становятся антиутопиями и, наконец, абсурдом. "Туманность Андромеды" становится "Часом Быка", а «Полдень, XXII век» превращается в "Град обреченный"...

12

Итак, все Сверхчеловеческое, восставшее против Бога, тяготеет к образу Люцифера и спешит разделить его судьбу. Могут ли античные боги, существа, не знавшие Сатаны, считаться Сверхлюдьми?

Нет. Они удалены от жизни человека и живут *своей жизнью*. Они есть именно боги с маленькой буквы и во множественном числе. Человек интересуется их точно так же, как орхидея интересуется льва. Человек может стать для них средством

мимолетного увлечения, прихотью – и тогда рождаются полубоги и герои. Но они всегда спускаются с высоты Олимпа и, спустившись, сохраняют дистанцию. Случайность их появления отрывает их бытие от бытия человека.

Восставший Прометей приносит людям огонь, а не способность восставать и приносить огонь. Прометей не способен искушать их этой способностью. Дионис Ницше становится Искусителем благодаря общению с Сатаной – Идеальным Искусителем – впервые прошептавшим змеиными губами изумленным Адаму и Еве: «ВЫ БУДЕТЕ КАК БОГИ»...

Но, может быть, титаны и великаны древних мифологий являются Сверхлюдьми? Эти неутомимые богоборцы ушедших эпох, сторукие, ледяные и огненные дети первичного Хаоса? С точки зрения верующих в Подземного Сверхчеловека, это – искаженное представление о древних расах. Но с позиций классической парадигмы, они слишком сильно отличаются от направленности эволюционного процесса человека и есть не-люди, имеющие принципиально иную расовую природу.

Сверхчеловек – это человек, прошедший Эволюцию и Искушение. Необходимо и первое, и второе, – Сверхчеловек должен возникнуть и развиваться, отрицая предшествующее состояние, а также преодолевать лабиринты этого развития, *ведущие вниз*. Эволюция всегда приводит к Искушению, победа над Искушением выступает условием Эволюции.

Неспособность побороть Искушение – выбор нисходящего пути эволюции – замораживает идею и смысл Сверхчеловека. Но и победа над Искушением, *внешне правильный выбор*, наращивающий бесконечное *Сверх*, превращается в насмешку над идеей Сверхчеловека. *Только эволюция*, отрицающая апокалиптичность истории Сверхчеловека, ведет к незаметному и тайному Искушению. Восходящая линия, блестящий эволюционный ряд, достигнув своей высшей точки, плавно спускается вниз. Поступательность взлета здесь есть лишь *гарантия медлительности падения*.

И подняв глаза на эту эволюционную кривую в звездном небе Будущего, мы вправе сказать:

*"Сверхчеловеческое, слишком
Сверхчеловеческое... "*

14

Сверхчеловек есть тот, кто уничтожает себя как Сверхчеловека ради чего-то высшего.

Самодовольное бытие в воображении сверхчеловеческого качества приводит к падению в абсурд. Абсурд неустойчив, и из него очень легко вырастает Зверочеловек.

Посторонний оскаливается. Сверхчеловеческая статика приводит к звериному динамизму. Печи Освенцима и эксперименты с перестройками – выражения его, нагнетающие материю Зверя в социальную и идеологическую формы.

15

Но каким может быть позитивное определение Сверхчеловека?

Сверхчеловек есть человек, овладевший стихией воли к власти. Он осознает ее и превращает в инструмент самоизменения. Это порождает героическое и Героя. Исполинская персона поднимается над нацией и человечеством.

Однако этого мало. *Триумф воли* должен быть доведен до *триумфа вдохновения*. Сверхчеловек с

необходимостью стремится стать Гением-мифотворцем – разрешить в сфере духа то, что недоступно Герою в жизни. *Высший смысл Сверхчеловека – объединить Героя и Гения.* Но на этом пути он уже преодолевает себя.

16

Сверхчеловек может быть лишь *промежуточной ценностью.* Идея Сверхчеловека нуждается в идее Бога. Так растение нуждается в лучах солнца, чтобы не стать перегноем. Переживание Бога дает Сверхчеловеку динамизм и восторг, отличные от восторга и динамизма животного и демона. *Воля к власти над собой* становится целью, воля к власти над другими – лишь средством.

Это рождает идею Богочеловека, поднимающегося над Человеком Обыденным не только могуществом Вдохновения и торжеством Воли, но и *торжеством Святости.* И если до сих пор Святость – *как жизнь во имя Бога и Божественного* – выступала устремленностью и блеском первых двух стихий, то теперь она сама становится стихией и получает *триумф.* Всеполнота

и сияние охватывают умирающего Сверхчеловека. Умирающего для новой жизни...

Триумф Святости – апокалиптическая молния грядущего неба – соединяет в еще более ослепительном синтезе Героя и Гения со Святым, а Миф и Логос – с реальностью.

1994

ОДИНОЧЕСТВО В ЖИЗНИ И В ТЕКСТЕ

Опыт вживания в проблему

Самому одинокому
философу посвящается.

«Людям постоянно нужна акушерка и почти все идут разрешаться от бремени в кабаки, в коллегии, где мелкие мысли и мелкие проекты прыгают, как котята.

Но когда мы полны нашими мыслями, то нет никого, кто помог бы нам, кто бы присутствовал при трудных родах, и, сумрачные и тоскующие, мы несем в какую-нибудь темную дыру наши новорожденные, тяжелые, бесформенные мысли. Нам не хватает солнца, дружбы.»

Фридрих Ницше

«Что пользы в юности, ежели к ней примешана закваска старческой печали?»

Эразм Роттердамский

«Ты одинок, это правда, но не сам ли ты искал одиночества?»

Лизбет Ницше

Проблема

С одиночеством принято связывать одиночество в жизни, *родовую отчужденность*, а уже потом отчужденность душевную. Но одиночество как бытие-вне-рода есть лишь прелюдия к более глубокому одиночеству – одиночеству *наедине с собой*.

Это одиночество, как и одиночество родовое, реализуется в мире культуры. Культуру слагают тексты. Возможна ли еще большая эскалация одиночества – одиночество в собственном тексте? И если да, то как влияет на него одиночество жизненное?

I. Одиночество и культура

1

Наличие текста – признак одиночества. Одиночества столь же древнего, как и сама культура – в тексте выражается то, что невыразимо в жизни. В жизни как общении. Текст противостоит общению.

Конечно, мне могут возразить: общение возможно и в *самом тексте*, и *самим текстом*.

Но в первом случае это само-общение, во втором его характер настолько разорван, что напоминает обмен вещами. Диалог есть суррогат общения; общение – отношение в деятельности, стремящееся к преодолению дискретности. Общение есть *общее дело*.

Однако общее дело неосуществимо без культуры, культура же невозможна без текстов. Общение как *опыт соборности* и текст как *опыт одиночества* пронизывает человеческую жизнь, создают ее удивительную трагическую напряженность.

Культура есть общение. Общение времен и пространств. Нам предстоит понять теперь нечто менее очевидное – смысл одиночества в культуре. И более конкретно: в чем смысл одиночества в тексте как атоме культуры?

2

Текст есть дело одного.

Это результат непонимания, иногда насмешки. Полная адекватность себе в общении замораживает способность создания текстов. Идеи становятся быстрыми и слишком пластичными, ими обмениваются, их выбрасывают пригоршнями,

собеседник дробит их, они теряют форму. Диаложество с неокрепшими идеями часто приводит к превращению их в пустоцветы.

В тексте оборвать себя могу лишь я сам. В дописьменную эпоху необрывание обеспечивается *художественностью* текста – вот одна из причин невозможности науки в дописьменные времена.

Культура как творчество в своих началах есть *поток одиночеств*, опыт и результат непохожести на большинство. Текст возникает как стремление быть иначе и дальше и, в то же время, как порыв избавиться от одиночества. И это стремление, и этот порыв есть желание увидеть мир похожим на себя. Это лечение мира самосовершенствованием.

3

Испытание мудростью есть испытание одиночеством. Рождение духовного – это отрыв от вех, от вех как ориентиров. Необходимо уйти в себя, чтобы стать значимым для других. В этом одиночестве высшее напряжение и устремленность, отрешенность от социума, который еще не создал и не понял тебя и твоего образа. Одиночество здесь есть первенство. Оно имеет возвышенный характер.

Это одиночество-жертва.

Культура – странный плод одиночества.

Одинокий сказитель сочиняет песню, сидя у костра. В багровых сумерках округ – чуждое племя, грызущее кости, позади в сумраке – грубый тотемный идол.

Сказитель сочиняет сказку. Он забывает о родителях и братьях-каннибалах, о вкусе крови во рту... Племя заморожено. Перестают жевать, замирают, лишь треск костра и слова, объединенные странным ритмом – ритмом, которого еще *никогда не было*.

И блеск глаз странного подростка, который через десять зим сам станет сказителем. Когда меня уже не будет, он станет на мои плечи и смутная зависть и вражда, терзающие его сейчас, уступят место грусти и любви. Мы с ним. Снова будет жующее племя, треск костра, новый ритм и новое Слово...

Мы оба обречены на одиночество. Мы сдружимся посмертно. Но из нашего одиночества вырастает единство племени. Наши сказки не дают грубому идолу превратиться в кусок мертвого дерева, они вселяют в него дух наших предков.

5

Каждое племя имеет своего мистика и своего мага. Мистик творит тексты, маг – действия. Но действия эти не равноценны повседневной деятельности племени. Магическое действие основано на тексте, и только текст поднимает магию над повседневностью. Мистик сочиняет, маг интерпретирует, мистик созерцает, маг властвует.

Это самое древнее и самое глубокое *разделение творчества.*

6

Маркс хотел избавиться от мистики вообще и заменить ее магией. Созерцательность не нужна. Зачем *созерцать посюстороннее?* Его нужно менять.

Это – стремление убить одиночество. *Одиночество видения трансцендентного.* Но оно возвратится вновь бездуховным и отчаявшимся.

Усмешка Маркса над Платиномом есть усмешка шамана над сказочником.

II. Одиночество как наслаждение

1

Одиночество есть ценность. Оно переживается как наслаждение, если переходит в творчество. Это одиночество, добровольно принятое, осознанное и естественное. Можно ли назвать его отшельничеством? Нет. Отшельничество есть одиночество не в творчестве, а в жизни. И на всю жизнь. Творческое одиночество временно – на одно вдохновение, а потому всегда предполагает общение.

2

Подобное общение означает, прежде всего, восприятие плодов творческого одиночества. Но общение возможно и в тексте. Это не просто диалог персонажей и автора с ними (а также с самим собой), – выше было показано, что диалог не есть полнокровное общение – это совместное проживание, совместное бытие-оживание персонажей и персон-идей.

Однако не каждый автор понимает это и воспринимает своих героев как реальность, не менее значимую, чем нехватка денег или молчание любимой женщины. Часто переживание и

культивация творчества как *арт-бытия* превращается в нечто вторичное и подчиненное культу *быто-бытия*, раскрашенного, словно идол, экзистенциальными красками. Но *арт-бытие имеет свою экзистенциальную напряженность*. Его отличие от быто-бытия не есть отличие культуры от жизни, отличие возвышенно-статического от имманентно-динамического. Это различие *тональностей бытия*, каждая из которых имеет свое становление и свое ничто. Абсолютное общение в одной может обернуться в другой абсолютным одиночеством.

Но как ни парадоксально, принять одиночество как наслаждение можно только *с точки зрения провотоположной тотальности*. Внутри нее оно всегда будет трагичным, а потому лишь допускающим наслаждение как апокалиптическую потенцию.

Появление одиночества как наслаждения *внутри всеобщности бытия* означает снятие одиночества. Но об этом немного дальше.

3

Одиночество создания текста есть одиночество свободы. Свобода здесь не просто в выборе должного, а в выборе приятного, гедонистически

значимого. Больше того, человек долга не способен к одиночеству; он не остается с собой, он постоянно пребывает в мире других для других, долг – цель и причина, выносимая во-вне его.

Внутренний долг, долг перед самим собой есть уже не долг, а свобода. Человек свободы принимает одиночество наслаждаясь, он реализует себя для других без самоотречения.

Человек долга, этот винтик коллектива, навсегда одинок с самим собой. Он теряет себя. Живя для других, уничтожая себя ради их блага, он уничтожает это благо – его несвобода станет впоследствии их несвободой и их страданием.

Самоотречение – это отречение от близких.

Только выбрав творческое одиночество, *одиночество в свободе*, можно перестать быть одиноким.

4

С появлением монотеизма, а если речь идет о европейской культуре – с появлением христианства, творческое одиночество становится одиночеством только для мира. Теперь это общение с Богом, включенность в поток надмирового процесса. Одиночество становится не просто условием

выдумывания текста, но и способом изменения писать тексты и совершать поступки.

5

Здесь мы подходим к различению текста и поступка. Любой человеческий поступок тоже есть текст, ибо обладает своей знаковой системой, особыми символами. Но и любой текст относится к сфере поступков – действий, выбранных свободной личностью. Означает ли это, что текст переходит в поступок, а поступок стремится стать текстом? Да, но в окружающем нас мире их границы гораздо более четко определены. Может быть, констатация отчуждения поступка и текста – основной признак мира, в котором мы живем.

Наверное, будет корректным определить текст как поступок, *значение которого исчерпывается его символической природой*. Это последовательность символов, имеющих значение для-другого.

Поступок – феномен бытия, в котором символическое нечто развивается в действие, приносящее непосредственное страдание или радость.

Жизнь есть система построения поступков. Текст есть система начертания символов. Могут

тексты слагаться в некое подобие жизни? Да – и тогда они соединяются в мифологию, где нет различия поступка и текста, действия и его символа, где все символическое деятельно, а все деятельное – символично. Символическое становится реальным, деятельное – одухотворенным. Жизнь превращается в создание текста, текст поднимается до жизни.

В этом – нарастание-победа одиночества *над одиночеством*.

Но победа эта происходит в мире воображения, которому еще только предстоит стать мифологией. Противоречие поступка и текста в окружающем нас мире есть отчуждение, порой переходящее в антагонизм, уничтожающий и поступок, и текст. Возможна ли победа чего-то одного в этой борьбе, не настроенной на синтез, отрицающий его идею как бессодержательную и полную возвышенной, а потому опасной наивности?...

Современное сознание Запада, сделавшее теоретическое рационализирование своим мифом, отбрасывает возможность такого единения. Ибо оно означает то, что во всех культурах именуется магией и магическим *действием*, которое в то же время является *искусством*, и трансцендентальная диалектика которого неприемлема для мыслителя,

посвятившего себя категориям диалектики обыденности.

Поступок – это поступь жизни. Можно прожить, не творя текстов, но никто еще не прожил без поступков. Вместе с тем живущий лишь Поступком ежечасно пользуется волей и энергией творца Текстов.

Одиночество создающего тексты – это одиночество в мире поступков. Незаметно или осознанно заменяет он поступок текстом, пытается вместить жизнь в свои символы *без изменения сущности символического*. Творческое одиночество поэтому может быть феноменом страдательным.

III. Одиночество как страдание

1

Одиночество в тексте означает включенность автора в знаковый и символический мир, недоступный другим людям, принципиально иную семиотическую напряженность бытия. Принятое в качестве высшей ценности, это бытие становится мифореальностью одинокого. Таковы миры Ницше, Бердяева, Гегеля, Гете... Каждый факт

интерпретации и со-понимания тяготит, хочется со-чувствия, со-действия, со-дружества. Хочется любви...

2

Вместе с тем одиночество в тексте есть одиночество непонятого и непонимающего. В первом случае это естественная реакция на неадекватность восприятия, иную его тотальность, во втором – трагическое чувство чуждости к собственному тексту. Это одиночество *внутри* текста. Оно может перейти от автора к читателю, оно стремится стать отчужденностью.

3

Отчужденность от собственного текста может быть двойкой: это чуждость тексту, написанному под воздействием *внешних* причин (как правило, это результат заказа доминирующей социальной группы), и чуждость интимно-собственному тексту – выношенному и рожденному своей волей.

Первое отчуждение понятно и не вызывает особых вопросов. Отчуждение второго рода более таинственно. Это *отчуждение от собственного вдохновения*.

Его причины иррациональны и темны. Главная его особенность – объективация персонажей и идей. Они становятся зависимыми от автора, им не даны разомкнутость и свобода; эта зависимость приводит к потере внутренней связи, обретаемой лишь *вне* зависимости.

Автор может лишь говорить с персонажем и идеей, предписывать им развиваться и двигаться. Но этот разговор-предписание так и не становится жизнью. Он односторонен и не допускает совместного переживания, пространства и времени общей экзистенции, погруженной благодаря наличию артефакта в вечности культуры.

4

Одиночество возможно и в диалоге, и при *помощи* диалога. Такой диалог есть разговор с самим собой, самодовольный и замкнутый для других. *Я* удваивается, как амеба, происходит арифметическое суммирование его частей или, точнее, жонглирование ими. Здесь текст так и не становится онтологическим феноменом, это факт гносеологический, нить между двумя половинками познающего *Я*. Переход к Другому неосуществим. Отношение к Другому как к другу невозможно;

остается лишь само-влюбленность, само-говорение и само-молчание.

5

Автор повелевает. Говорит, делает паузы и снова говорит... Но вот поток его сознания и воли вздрагивает и останавливается.

Одиночество победило. Он не смог принять героя как реальность близкую и необходимую своей реальности, *равноценную ей*. Он не смог принять общения с ним.

6

Ученый не знает одиночества, ибо наука – дело коллективное; отношение к объекту всегда опосредовано группой авторов, писавших о нем. Начиная с Нового Времени ученые-мастера некой конкретной области создают бесконечную коллективную монографию...

Сам феномен научного цитирования есть принцип *отрицания возможности* одиночества в тексте.

Ученому-первооткрывателю так легко пережить одиночество потому, что он перестает быть ученым.

7

Философия отличается от науки *свободой выбора одиночества*.

8

Рационализм Нового Времени, успешно внедряющийся в европейскую культуру, на первый взгляд, стремится преодолеть и экзистенциальное, и текстуальное одиночество. Действительно, абсолютная логичность системы поступков и знаков, отсутствие недосказанности приводят к однозначности понимания. Но эта однозначность исчерпывается столь быстро, что порождает одиночество как *результат слияния*.

Это одиночество в коллективе, одиночество-тоска по чему-то полифоничному и незавершенному, одиночество-жажда иррационального и потустороннего. Именно последовательный рационализм приводит к мистицизму в его крайних формах.

Особая проблема – одиночество и обучение. Подавляющее большинство людей способны учиться в коллективе и посредством коллектива. Отсюда неспособность к умножению успехов, когда остаешься один – за пределами школьной, студенческой или аспирантской жизни.

Самое глубокое обучение – это обучение в одиночестве. Пусть оно проходит через страдание, – оно дает возможность преодолеть отчуждение от культуры гениев прошлого.

Неспособность обучаться в одиночестве приводит к неспособности писать тексты...

IV. Воля к одиночеству

1

Все сказанное выше позволяет говорить об особом стремлении - *воле к одиночеству*. Эту волю можно оценивать в этической плоскости – в категориях добра и зла, но ее нельзя осудить – она

является необходимым условием осуществления культуры.

2

Стремление к замкнутости для обретения свободы – вот как можно определить волю к одиночеству. Очень часто открытость коллективу приводит к растворению несхожести с его средним типом, и замкнутость-уединенность, пребывание наедине с собой – единственная форма защиты.

3

Разные типы культур по-разному относятся к этой воле – от полной негации до безоговорочного поощрения.

Но нет ни одной культуры, которая бы выносила практический запрет на волю к одиночеству – *такая культура теряет своих лидеров и перестает существовать.*

4

Для того, чтобы быть великим, нужно стать одиноким.

V. Одиночество и равнодушие

1

Текст создается в одиночестве. Но для того, чтобы он не остался в одиночестве, необходимо ощущение мира людей вокруг меня. Точно огромная неясная тень стоит над автором – окружающее *Мы*, миллионы и миллиарды настоящих и будущих.

Является ли ощущение их присутствия злом? Нарушает ли оно чистоту творчества?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо осознать возможные формы отношения *Мы* к автору и его тексту.

2

Одинокий человек вызывает кратковременное любопытство, которое может стать постоянным лишь в том случае, если он ведет скандальный образ жизни.

Воля к одиночеству для большинства чужда и неинтересна. Восприятие ее рождает равнодушие. Множество глубоких текстов появились в атмосфере

равнодушия. Это – первая форма отношения *МЫ* к автору.

3

Она обволакивает как туман, и пробиться через него бывает труднее, чем преодолеть открытую вражду – здесь противник не представляет собой *персоны, с которой можно бороться*. Равнодушие принципиально безлико. Оно не требует воли для своего возникновения, а потому нужна сверхволя для того, чтобы вынести это, особенно если это касается близких людей.

4

Равнодушие означает, что я должен либо *остаться* в окружающей среде – стать таким же холодным к *своим* проблемам, либо внедрить небезразличие, интерес к себе, *добиться славы*.

VI. Одиночество и слава

1

Одиночество человека, добившегося успеха, – сделавшего свои занятия общезначимыми, – порождает вокруг себя целый смерч внимания и интереса. Пораженное равнодушие сгущается в плотную и подвижную субстанцию и, наконец, исчезает совсем.

Критерием успеха выступает покупаемость произведений в демократическом обществе или признанность их кастой жрецов в обществе тоталитарном. Принципиальное значение имеет поэтому реклама в самых разных ее формах – от кричащих и массовых до утонченных и персональных.

Но как все начинается?

2

Каждый автор имеет свою среду. Рано или поздно вокруг него образуется группа людей, принимающих его творчество и верящих в его возможности. Десять человек убеждают тысячу, тысяча влияет на сотни тысяч.

Но есть еще необъяснимые, сверхрациональные пути успеха гениальных произведений...

3

Обретя славу, автор попадает в зависимость от внимания окружающих. Он действует, неосознанно пытаясь угодить, постепенно теряя одиночество-самость. Должности и почести не даются даром, как писал Ницше. Именно поэтому продолжения нашумевших произведений (особенно это касается романов и фильмов), как правило, не столь интересны. В них отсутствует энергия изначального, чистого замысла.

4

Слава может растворить границы одиночества, но может сделать одиночество нестерпимым. Таково одиночество Мартина Идена, ставшего богатым и знаменитым. Утвердившись в жизни при помощи своих текстов, он в какой-то момент ощущает иллюзорность этого утверждения; любимая женщина, принявшая его славу, становится чужда ему, крушение ценностей приводит к самоубийству.

5

Слава порождает подражание. Знаменитый автор получает в награду десятки последователей, пытающихся копировать его манеру и стиль. Такое покушение на одиночество приводит лишь к его развитию.

Одиночество отражает во множестве кривых зеркал, поток его бытия теряет целостность и становится раздробленным, вынесенным вовне.

VII. Одиночество и Бог

1

Во всех культурах одиночество является важнейшим условием общения с Богом. Чем ярче персона, тем в большей степени нуждается она в единоличном диалоге с Абсолютом. И наоборот – низкое сознание не может общаться с ним без коллектива. Это не исключает соборности, это указывает на первичность персонализма по отношению к ней. Любое религиозное единение

перед лицом Бога имеет смысл только как *единение в свободе*.

2

Зачастую идея Бога во Мне является единственно возможным условием остаться одиноким в обществе недостойных.

Переживание идеи Бога есть переживание перехода исторического времени во Всеединство времен, в Вечность, где происходит Абсолютное преодоление одиночества как отчуждения от любви к Самому Себе.

Идея Всеединства времен – как высшего разрешения трагических коллизий жизни и единения абсолютности и развития – проникает в текст произведения одинокого, и лишь она сообщает ему ценность, которая переживет свое время и одиночество в нем.

3

До конца развернутая вера в Бога делает одиночество невозможным.

VIII. Одиночество и дьявол

1

Дьявол приходит к одинокому. Акт искушения – акт личностный, искушенный расписывается кровью вдали от окружающих.

Дьяволу нужна аудитория только для подготовки.

2

Дьявол приносит с собой идею смерти как абсолютного одиночества во времени. Это идея невозможности Вечности.

3

Дьявол сам одинок.

Одиночество дьявола в неспособности любить. Созданные им миры чужды ему.

IX. Одиночество женское и мужское

1

Мужчине легче, чем женщине, развить волю к одиночеству; женщина стиснута необходимостью продлить род как процесс рождения и смерти, быть при-роде, за-мужем.

Женщина всегда подавлена одиночеством...

2

Женщина продолжает род во имя рода и поэтому всегда зависит от оценки родом ее положения при мужчине.

3

Пресловутое одиночество вдвоем означает сломленность воли к одиночеству, отсутствие мужества (и женственности) быть одиноким для того, чтобы найти истинное преодоление одиночества.

4

Когда мужчина знакомится с женщиной, это не обязательно означает, что он хочет утратить одиночество; иногда он просто желает найти красивую оправу для своего одиночества...

5

Одиночество женщины и мужчины исчезает только в любви – чувстве, поднимающем женщину над родом в его хтонической мощи, а мужчину – над эгоизмом власти и вдохновения.

Любовь как *свобода без одиночества* позволяет мужчине сохранить все достоинства одинокого свободного бытия, а женщине выйти за рамки полноты жизни природы и материнства, не теряя их. На этом пути женщина становится Музой. Таковы отношения Шеллинга и его Каролины...

Но возможно и *одиночество двоих* – в чуждой или враждебной среде. Возникает проблема соборности, выходящей за пределы любящей пары.

**Х. Одиночество и соборность:
рождение персонализма**

1

Одиночеству противостоит соборность. Под соборностью можно понимать объединенность людей вокруг некой идеи.

Идея принадлежит одному. Остальные – потребители ее, исполнители, фанатически отдающие себя служению ей. В этом служении – высшая наполненность их бытия.

На таком отрицании одиночества основана оргиастичность тоталитарных культур и тоска по ним в мирах демократии.

Возможна ли творческая соборность, единство, в котором единение не уничтожает оригинальный порыв? И наоборот, является ли творческое одиночество вечным? Остается ли оно всегда безусловной ценностью?

2

Эти вопросы глобальны. В них высший трагизм мира культуры, тайна ее величия и несовершенства. Нужно иметь не только понимание, но и мужество,

чтобы отвечать на них. Мужество и последовательность классического сознания, *принимаящее онтологичность трансцендентного*. Мужество веры в трансцендентное (для христианской культуры – веры в бытие Бога и бессмертие души), ибо единство творческих одиночеств может иметь лишь *метаисторический и метакультурный* смысл, в противном случае оно абсурдно.

Сознание неклассическое, *истолковывающее трансцендентное как исторический символ*, оставляет эти вопросы безответными. Об этом свидетельствует экзистенциальный и творческий опыт Ницше, Кафки, Камю. Они создают в своих текстах трагическую галерею одиночеств – от Заратустры Ницше до Постороннего Камю. Безусловно, Фауст Гете тоже одинок, но одиночество это лишено безысходности и безумия, он интимно близок трансцендентному в самых разных его проявлениях, а потому *может включиться* во всеобщность одиночеств, созвучных его трансцендентному. Это трансцендентное в силу своей возвышенности (реальной, а не символической) становится интерсубъективным. Одинокий человек Фауст объединяется с извечно одиноким нечеловеком Мефистофелем в творческое

содружество, полное игры и самоиронии, потому, что над ними есть реальность Бога и бессмертия души.

Одинокий Заратустра сам превращается в Мефистофеля, он не в силах вступить с ним в общение. Его дух, замкнутый в тюрьму телесного, эволюционного *Я* и жаждущий *войны и рабовладения*, а также *творчества*, находится во власти первых двух стихий. Развернуть *совместную свободу творчества* он не в силах.

Сверхчеловеческое одиночество превращается в нечеловеческую тоску, а воля к одиночеству – в волю к безумию.

3

Общение Фауста с Мефистофелем не есть творческая соборность, но воскресающий Фауст уже способен к ней...

4

Итак, творец жаждет одиночества и мучится одиночеством. Он может найти любовь к Богу и веру, а также любовь и веру в земную грешную женщину.

Но остаются среда, общество, нация, человечество. Слава и обожание односторонни и поверхностны. Они легко переходят в *агрессию* по отношению к творцу.

Такая агрессия принимает явные формы лишь в условиях пограничных ситуаций. Например, в ситуации *выбора между культурой и жизнью*, где культура может быть увидена как смерть. Культура становится в этот момент смертью потому, что жизнь видит в ней врага, угрожающего ее целостности. Больше того, выбор культуры заставляет ее сойти с пьедестала *главной ценности*. Это воспринимается как угроза. Агрессия к культуре-смерти есть мгновенное пробуждение затравленного тысячелетиями человеческой истории хтонического зверя с его нормальным инстинктом самосохранения. Являясь защитником *жизни как рода* – процесса рождения – зачатия – смерти – от *культуры как жизни* – процесса и состояния бессмертия, этот зверь-Хтонос принципиально безлик, и поэтому главный объект агрессии – личность гения.

Победить его можно лишь еще более мощной жизненностью – персональным героическим началом, сверх-волей к власти. Обузданный и личностно возглавленный, ведомый героем *до*

момента погружения в бессознательное, он может стать энергией пассионарного порыва.

5

Странная ненависть к творческому одиночеству всегда таится в бессознательном обывателя. Под маской восторга или равнодушия она ждет своего часа. Отсюда стремление объединить творческие одиночества в цех профессионалов. Это стремление жаждет распространиться на процесс творчества, но еще лучше – и это тайное стремление обывателя! – на быт и «личную жизнь». Ощущение причастности одинокого к собственным порокам, стирание его несхожести до уровня «не хуже других» доставляет ни с чем не сравнимое наслаждение.

Подобное наслаждение смертослужно по своей сути. И если для одного это лишь вытесняемое воображение (например, насилие на фоне разрушенного храма), извращение, то, становясь массовым и нормативным, оно может привести к необратимому травмированию культуры.

6

Что делает общество для того, чтобы уничтожить одиночество? Тоталитарное – направляет против него всю систему своих отношений. Демократическое действует осторожней. Оно не наказывает за одиночество, оно предлагает бездну вариантов *продать его*.

Только преодолев давление общества, можно выбраться из одиночества.

7

Большевики прививали интеллигенции идею резкости, геометрической очерченности в отношениях друг с другом – такая форма больше подходит для слияния в монолит. Геометрически мыслящие и однозначно чувствующие новые интеллигенты разом уходят из культуры в цивилизацию. Механическая жесткость – условие единства. Прежняя интеллигенция была *округла и мягка*. Она не соединима в плотную. Всегда остаются экзистенциальные пустоты.

И, как ни парадоксально, информационное компьютерное общество Запада ведет к такой же деперсонализации – в профессионализме аналитика

исчезает национально окрашенная пластика и универсальность философа XIX – начала XX века.

Слишком тесное слияние интеллигенции превращает ее в пластилиновую массу, механическую и вязкую общность ремесленников информационного цеха, из которого невозможно выделить персону. Есть лишь мастера и подмастерья.

Это делает понятным стремление *называть философию наукой*.

Одиночество автора в коллективной монографии – это одиночество ребенка в заколдованном лесу.

8

Быть или не быть одинокой в творении своей жизни – поступков и текстов – личность должна *выбирать*. Желание *освободить* ее от этой *свободы* приводит культуру к вырождению. Право на одиночество – одно из неотъемлемых прав личности; столь естественное для европейской жизни, оно мучительно рождается на обломках коммунистической морали и социалистической законности.

Задача государства грядущего – превратить одиночество в *проблему личности*.

9

Право на одиночество есть право на принятие решения независимо от коллектива. Это право *усиливает соборность* творческого содружества, ибо приводит к возникновению такой полифонии идей, что соединение их дает оргастическое переживание.

10

Однако все это применимо к талантливым одиночкам, одиночкам-профессионалам. Как быть с одиночеством гениальным? Одиночеством универсальным, одиночеством-Вселенной? Единение здесь значительно более проблематично, ибо каждый из гениев имеет собственный *метаязык создания собственного мира*, а его *жизненный мир* не просто сопоставим с жизненным миром человечества, но и превращается в его новое основание.

Одиночество гения выступает для нас чем-то естественным. И это ощущение вбирает в себя трагический факт, может быть, самый трагический в человеческой истории (за редкими исключениями) – *творческая соборность гениев* осуществляется в

разных слоях времени и только посредством текстов...

11

Итак, под творческой соборностью можно понимать такой способ единения, при которой (как и в половой любви) одиночество исчезает, *сохраняя свободу одиночества*. Речь идет о сохранении свободы становления мировоззрения, а также стиля его выражения в той или иной плоскости культуры. Вопрос об одиночестве в данном случае – это вопрос о творческой толерантности, которая становится творческой эффективностью.

Общая идея, творящая соборность, не является здесь императивом, призывающим к *служению*; она есть результат со-творчества и со-развития, а потому не только начало, но и *исход*.

12

Только творчество объединяет одиночество в соборность. Только творчество проводит бесконечную пропасть между ними. Разрешение этой антиномии – в идее и практике мифотворчества,

разрешающего трагические противоречия мира и создающего вне-трагический, трансцендентный мир.

13

Мифотворчество есть дело гения, интимное и сокровенное. Независимо от его воли, даже вопреки ей, оно становится делом жизни группы людей. Может ли мифотворец желать сопричастности сотворенным мифам, *сопричастности современников*, основываясь на иных мотивах, чем воля к власти?

Да, если он найдет людей общей с ним судьбы, общего тепла, некий духовный орден, где его мифы будут не только приняты, но и разовьются в кругу дружественных мифов.

14

Творческая соборность поэтому – необходимое условие перехода творчества в жизнь. Одинокий творец наедине с мифом становится личностью в мире, включается в сферу небезразличия, но не вампирически-слепого, односторонне-жадного, а творческого.

Это небезразличие, развиваясь в общение и игру, становится *общей мифологией*, общей Вселенной, в которой преодолеваются трагические коллизии судеб и которая есть не просто воображение, но и сама жизнь. В ней герои произведений становятся современниками, а современники превращаются в героев. Она снимает одиночество автора в его собственном нарождающемся мифе – способствует раскрытию гениальности и даже еще чего-то большего, чем просто гениальность – святой и героической гениальности. Миф становится жизнью, жизнь превращается в миф.

Такое *мифоединство* как принцип и идеал и будет персонализмом – принципом, собирающим творческие одиночества для *возрастания их свободы*.

Вероятно, лишь на этом пути возможна максимальная полнота бытия и, может быть, именно это стоит называть счастьем.

1994

МИФ И СИМВОЛ: ПРЕДЕЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

1

Трагические противоречия, окружающие нас в жизни, всегда требуют разрешения в сфере фантазии. Так рождается мифология – Вселенная абсолютного разрешения неразрешимого. Она становится второй, – сверх-трагической реальностью, которая вознесена как над обыденностью, так и над предельностью человеческого бытия и дана каждому из нас в личностном переживании.

Любая мифология представляет собой некий набор мифов и символов. Под мифом мы будем понимать художественное произведение, в котором разрешаются трагические противоречия. Миф поэтому самоценен. Символ, напротив, всегда имеет значение для другого, ему в принципе чужда самоценность.

Символ есть намек на присутствие мифа. Это намек на то, что в вещи или человеке есть нечто большее, чем материя, составляющая их, более того, чем *вся совокупность существования*.

Символ есть молчание. На что может намекать молчание символа? На нечто развернутое и говорящее. Этим нечто может быть только миф, реальность, потусторонняя драматизму обыденности и трагичности предельного бытия; символическую значимость может иметь *только потустороннее*.

Уставший и немеющий, миф ожидает часа, когда станет символом. Это ожидание сна. Но превращение в символ не просто усыпляет миф. Происходит нечто более глубокое и холодное. Символом пользуются, им гордятся, но *им не живут*. Подобное неизбежно – в символическом сне мифа нет сновидений.

Жизненность мифа вытекает из символа, как кровь. Символ подвластен мышлению, миф подвластен только жизни. С символом можно играть, отдавая ему часть своего существа, в мифе можно *только быть* – он требует человека целиком, во всем многообразии связей и отношений.

В мифе всегда есть символы, они достаточно ясно различимы. В символе тоже есть мифы, но они застыли и кристаллизовались. Они практически неразличимы.

Выдвижение мифов на первый план в символе взрывает его, превращает в жизнь, пробудившуюся от холодного сна. Словно открывшийся глаз забирает в себя тайну закрытых век.

3

Миф без символа всегда нечто, символ без мифа – ничто. Пожалуй, именно таким образом можно перефразировать известную фразу Гегеля.

Но то нечто в мифе, которое может существовать без символа, означает хаотическую жизненность, пребывающую почти исключительно в бессознательном. Символизируя миф, мы делаем его доступным мышлению и его свету. Но мышление с присущей ему символичностью теряет экстаз Я, охваченного мифом.

Трагическое противоречие между символом-безжизненностью и мифическим безумием – врата, через которые должна пройти нарождающаяся мифология.

4

Рождение мифологии означает прежде всего то, что *миф становится символом для более всеобщего*

мифа. Это делает каждый миф звездой в космосе мифов, а не костром в пещере или лампой в замкнутой комнате.

Каждый миф отражает в себе всю Вселенную, в нем появляется тотальная тайна, намек на нечто большее, чем окружающая жизнь, недостижимое и удивительное. Превращаясь в *символ-звезду* мифологии, миф теряет ограниченность и племенную замкнутость, становится общепонятным и общеприближенным.

Мифология может быть достоянием народа и нации, но может принадлежать и отдельной личности. По сути дела, каждый из нас носит с собой свою мифологию как ауру. Когда мы общаемся друг с другом, общаются две мифологии.

И такие мифологии есть не просто оболочка, скорлупа, за которой скрывается наше действительное Я, – это и есть сама действительность Я. В индивидуальной мифологии светится сокровенная истинность нашего бытия. Она не маска, а сущность человека. Индивидуальная мифология делает человека личностью.

Мифология личности есть набор идеальных и желанных возможностей Я. Это стержень, на который нанизываются случайности нашего существования. Это стержень, который не дает

нашей жизни стать хаосом, лишенным *личностного времени* – мифология устремляет нас в будущее, создаваемое нами. Она направляет нас в наше *собственное*, а не чужое будущее.

5

Таким образом, мифотворчество выступает критерием и условием личностного наполнения жизни. Измученные обыденностью и одиночеством, мы создаем свой мир, спасающий и от серости повседневности, и от бездны одиночества предельных порывов.

Считать, что человек смог бы когда-нибудь освободиться от создания мифов и жизни в них, было бы величайшей утопией всех времен и народов, утопией, которую мог породить лишь плоский рассудок эпохи Просвещения.

Однако бесконтрольно развивающийся миф утрачивает связь с бытием и превращается в нечто бесчеловечное. Миф нуждается в символической узде, для того, чтобы быть *человечным*, мифологическим феноменом. Возможно, символ можно было бы назвать и крыльями мифа. Ибо символ – это не только *табу* на произвол в мифе, но и *свобода* от произвола.

Означает ли все сказанное, что символ, в отличие от мифа, уже в силу своей природы, диктующей ему жизнь-для-другого, есть нечто более гуманистическое? Конечно, нет. Символы, вырывающиеся из-под власти мифа и провозглашающие себя мифами (под маской борьбы с ними) приводят к бесплодию и абсурдности любой культуры. Такова история доминанты символа над мифом в европейской жизни XIX-XX веков, приведшая с одной стороны, к неоязычеству фашистской и коммунистической мифологии, а с другой – к абсурдизму философии и «высокого» искусства либерального Запада.

Поэтому речь не должна идти о символе как о чистой и *морально насыщенной* форме культуры перед лицом бездны мифического, как считают некоторые авторы (например, Э. Кассирер и его последователи), а о гармонии мифического и символического начал, той гармонии, которая порождает мифологию в любой эпохе.

6

Символ вмещает в себя геометрическую и кристаллическую природу, гипнотическую неподвижность симметрии неживого, отданную на

суд рассудка и разума. Миф есть буйная жизненность с ее ассиметричностью-порождением-новых-симметрий и чуждостью разуму *как скальпелю жизни*.

Символ – снежинка, миф – вода, питающая корни растений и струящаяся в них навстречу солнцу. В лучах любого света символ просто сверкает, миф же оживляет и растет.

7

Символ можно уподобить величественной Снежной Королеве, миф – горячей и живой Герде. Кай, который в этой сказке Андерсена олицетворяет личность, не случайно притягивается к Снежной Королеве. Он балансирует между символом и мифом. А потому подталкивает Герду, как носительницу мифа, наполниться мифо-логией.

Побеждая Снежную Королеву и освобождая Кая из ее холодного символического плена, Герда втягивает в себя ее рациональное могущество. История испытаний Кая и Герды – это не просто история победы света над тьмой, а жизни над смертью, это история *умудрения* жизни, наполнение мифа символом.

Но в этой истории мы явственно ощущаем предельную антагонистичность мифа и символа. Нам хочется *просто вернуться* к душевной теплоте Герды и Кая, которая была до встречи со Снежной Королевой, нам хочется ее абсолютного изгнания из личности и мира.

И лишь в самой глубине нашего Я пульсирует понимание и переживание смысла Снежной Королевы в бытии и Кая, и Герды.

8

Мы приходим к глубинной сложности объединения мифа и символа.

Каждый из них стремится уничтожить противоположную стихию. Но именно в единственнеуничтожении появляется творец мифо-логоса, который осознает свое бытие за пределами трагичности *как трагедию*.

Это бытие является трагедией уже потому, что рядом с ним сосуществует бытие окружающего мира, где *трагедия является нормой*.

Без содружества с символами мифы становятся либо обыденностью, либо утопиями. И то, и другое является бегством от задачи духовного и душевного преобразования мира.

Символизируя свои мифы до уровня мифологии, творец закладывает в них принцип проникновения в окружающий трагический мир, что подталкивает его к метаморфозе.

9

Символ всегда есть тайна. В этом заключается наше наслаждение от его восприятия.

Но тайна, живущая в символе, неизменно требует мифологической разгадки. Без метаморфозы символа в миф, таинственное в символе овеществляется и становится похожим на все остальные вещи, а потому перестает быть собой. Только мифо-игра наполняет тайну символа смыслом.

Означает ли это, что мифическое всегда есть явное и раскрытое, в отличие таинственного символического? Иными словами, не является ли символическое эзотерическим, тогда как мифологическое – всегда профанно?

Нет. Таинственность мифическому сообщает уже сам трансцендентный характер мифа, как реальности, в которой разрешаются трагизмы жизни. Но эта таинственность не скрытая и спящая, эта

таинственность иной тотальности бытия, таинственность развернувшаяся.

И все же подобная развернутая таинственность мифа требует символической таинственности – ибо только она выводит миф за пределы таинственности *исключительно для низших сфер*.

Если миф оживляет символ, то символ облагораживает миф.

Подлинный символизм – это развитие *самотаинственности* мифа. Таинственность символа есть лишь продолжение, кристаллизация таинственности мифа.

10

Таинственность символа – результат встречи абсолютно рационального с абсолютно иррациональным.

Здесь мы вновь подходим к идее неразрывности в мифологии мифа и символа. Миф как *бытие* и символ как *ожидание бытия* соединяются, чтобы не замкнуться в хаотической жизненности и, одновременно, не потерять бытие как *жизнь*.

В свете сказанного представляется возможным увидеть в женщине носителя символического в бытии, а в мужчине – мифического.

Действительно, женщина как мягкость и прагматизм-терпение может быть понята вечным символом символов, мужчина же с его вдохновением, одержимостью и волей к власти и творчеству всегда продуцирует мифы. В этом есть доля истины. Попытаемся увидеть пределы этой истины.

Сразу являются два очевидных соображения, приводящих к противоречию.

Во-первых, в каждом человеке психологически и экзистенциально уживаются мужские и женские черты. Эту давнюю истину, выраженную в платоновском мифе об андрогинах для XX века, актуализировал австриец Отто Вейнингер. (С признанием данного факта к Вейнингеру приходит понимание многих странных феноменов психической жизни человека и прежде всего – причин индивидуальности психики. Несмотря на ряд противоречий, позиция Вейнингера представляется достаточно интересной и заслуживает внимания).

Во-вторых, женское в человеческом мире настолько соединено с мужским *и за пределами индивидуума*, что даже взятое в чистом и абстрактном виде выталкивается за пределы символического. Для нас очевидно представление о фантазийности и мечтательности женщин. Неужели эти способности сугубо символичны?.. Ответом на этот вопрос может быть признание причастности (и способности) женского начала к созданию мифов. С другой стороны, возможно утверждение о том, что женская мечтательность лежит за пределами и символа, и мифа. Оба этих феномена доступны лишь мужскому началу.

Получаем антиномию, разрешение которой может лежать в признании истинности одного из двух утверждений, составляющих ее. Принятие первого приведет нас к стиранию границ женского и мужского, тогда как вторая часть антиномии удаляет женщину за пределы человеческого рода, превращая в пассивную материю в руках мужчины.

Предпочтение одной из сторон очерченной антиномии неизбежно приведет нас к новым противоречиям с реальностью.

Практически всем сегодня очевидно, что женские мифы связаны с мужским мифотворчеством и что, с другой стороны, женщина не есть только материя, ожидающая воли и вдохновения извне. Истина – как и всегда – может быть найдена в действительном разрешении антиномии – синтезировании противоположностей для получения нового бытия.

Таким образом, необходимость конструктивного разрешения антиномии приводит нас к тому, что миф и символ порождаются в общении полов.

Вопрос лишь в том, насколько возможно *разделение* или, точнее, *вдохновение* труда в этом процессе. Является женщина катализатором или сообщницей? Может ли мужчина творить символы и мифы за пределами женского участия? В какие формы отливается женское как миф и символ?

Ответы на эти вопросы требуют отдельного исследования. Пока же констатируем, что человек любого пола есть одновременно и символ, и миф.

Человек становится символом тогда, когда несет в себе намек на более богатое содержание, чем

то, что проявлено в его обыденной жизни. Но это содержание и есть мифом – продуцированием образа своего идеального бытия и устремленность к этому образу в реальности материи и воли.

Как уже было сказано выше, два человека, встречаясь, соприкасаются мифологиями. Встреча любящих людей *объединяет их мифологии в новый космос*. Лишь общение в толпе делает ненужной нашу способность к созданию мифов и символов, овнешняя ее до уровня одежды и прически или превращая нас в существ, одержимых идеологией.

Интимное общение любящих поэтому наиболее мифологично. Оно не освобождает от мифов и символов, а приводит нас к подлинному источнику мифов и символов. Оно приводит к Любви.

Любовь как истинное в человеке есть пульсирование в каждом из нас Мифа и Символа. Вне этих Мифа и Символа мы не найдем человека. Освобожденные от них, мы становимся животными.

1995

Часть 2

ДУХ, ДУША, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

ВЕЛИЧИЕ ДУХОВНОСТИ И ТОСКА ДУШИ

Трансцендентология духа

1

Многим из тех, кто устремился к выходу за свои пределы, кажется, что открытость бытия – это открытость всемирного пространства духа. Это открытость безграничного мира культуры, в котором соприкасаешься с гениями прошлого. Но оказавшись во всемирном пространстве культуры, дух человека испытывает одиночество. Общаясь с другими одухотворенными существами, человек грустит по душевности.

Дух странствует и тоскует. Вместе с ним тоскует все мироздание. Очищенный от обыденности и освобожденный от замкнутости индивидуального существования, человек испытывает недостаток теплоты.

Ибо наполненный духом, человек уносится из пространства семьи, нации и человечества в Космос. Космический холод струится изнутри и приходит извне. И тогда тоска сгущается в страх.

Дух справляется с этим страхом.

Он просто отбрасывает его. Но, отринув страх, влекомый духом человек, попадает в бездну новой проблемы. Он погружается в пучину бездушности.

2

Сначала человеку это даже нравится. Он переживает легкость, она помогает ему проникать в те возможности, которые раньше были недоступны. Многие таинственные знаки судьбы внезапно становятся понятными ему. Эти знаки превращаются в руны, которые он умеет читать. Человек переживает *магический прорыв* в глубину своей судьбы, судеб близких, народа, человечества. Он чувствует, что может жить в этих глубинах, хотя раньше был вынужден мгновенно всплывать на поверхность обыденного бытия из-за неспособности дышать *духовным воздухом*. Человек ощущает себя магом, который способен преодолевать скрытое сопротивление обыденности.

Но очень скоро рядом с этим появляется *ощущение жизни на плоскости*. И глубины, в которые проникает человеческий дух, также становятся *глубинами плоскости* – они либо горизонтальны, либо вертикальны. Ибо, оторвавшись от души, дух становится плоским.

Вместо теплоты он излучает негреющую яркость. Четкость очертаний заменяет насыщенную объемность линий.

Результатом становится утрата ощущения вертикальности и горизонтальности, движение вперед или в сторону может показаться движением вверх.

3

Ощущение жизни на плоскости порождает тревогу и новый страх. Но человеку слишком дорога та духовная легкость, благодаря которой он стал проникать в мир и понимать его. Поэтому он вытесняет ощущение жизни на плоскости в глубину бессознательного. Он сворачивает это ощущение в сверток и прячет в дальние лабиринты души.

С этого момента душа становится пугающей и презираемой силой. Переполненный до краев празднующей свою чистоту духовностью, человек начинает считать собственную душу бессознательным. Ибо его дух, оторванный от души, становится *всего лишь сознанием*.

4

Отчужденная, душа начинает мстить духу. *Когда дух опускается до уровня сознания, душа всегда мстит за свое превращение в бессознательное.*

Мечь отринутой души выражается в погружении в инстинктивную психическую сферу, уходящую своими корнями в глубины биологической эволюции. Душа из Ты превращается в Оно.

Отринутая духом, душа словно засыпает, а затем пробуждается. Но это уже совсем другая душа. Это *Оно-душа*.

5

Превратившись в Оно, душа становится бездушной стихией, отождествляясь с психикой.

Но даже в самых сумрачно-природных состояниях душа сохраняет тоску по духу. Она постоянно посылает в сознание импульсы, которые воспринимаются как глубинные желания, направленные на внешние предметы, но часто это всего лишь попытка души обратить на себя внимание духа, заколдованного в двумерную форму сознания.

Но такой призыв души глубинно инфантилен, и еще больше отталкивает дух в маске сознания.

6

И тогда Оно-душа становится агрессивно самодостаточной, а иногда и смертельно самодостаточной. Животные инстинкты, которые в царстве природы были естественны и целесообразны, соприкоснувшись со стихией Оно-души демонизируются.

Эти инстинкты превращаются в вихри, которые несут душу во все новые противостояния с духом. В итоге человек, выбравший духовность, входит в пространство внутреннего одиночества.

7

Внутреннее одиночество всегда является результатом дисгармонии духовного и душевного начал личности.

Эта дисгармония может принимать разные формы: доминанты одного над другим, конфликта, взаимного отчуждения. Однако результат – внутреннее одиночество – всегда остается одним и тем же. В условиях патриархальной культуры и

цивилизации это внутреннее одиночество почти всегда иницируется духом – глубинной мужественностью, которая **не справилась с задачей личностного единства.**

До тех пор, пока переполненный абсолютной духовностью человек не переживет ее как грех, наш мир будет больным. Ибо такая переполненность означает подавление и отчуждение душевных перспектив личности. Но в нашу эпоху эти перспективы вновь и вновь воспринимаются как вторичные.

Переполненность духовностью, лишенной теплоты и обаяния душевности, порождает гордыню. Когда-то на заре времен именно такой духовностью наполнился Люцифер и силой ее был свергнут с небес – из космической всеполноты бытия.

Искушение такой духовности велико. Гегель и Ницше, Ленин и Фидель Кастро были увлечены ее потоком.

Где выход?..

2005

ОДИНОЧЕСТВО И РОДНОЙ ЯЗЫК

1

Родной язык – это язык глубин души. Это твоя судьба и родина, которая всегда с тобой. Измена родному языку – это измена своей душе. Это измена матери, которая говорила с тобой на языке своей молодости и пела на нем колыбельные. Это измена самому себе, впервые сказавшему на родном языке: «Я тебя люблю».

Человек в стране, где его родной язык становится чужим, наполняется глубинным одиночеством. И если он не изменяет родному языку, то превращается в героя.

Однако, когда человек отказывается от всех языков ради родного, это не героизм души, а ее узость. В этом случае мы отчуждаемся от культуры и человечности. Родной язык должен соседствовать в душе с другими языками и культурами.

Если только эти языки и культуры не превращают его в чужака.

2

Ситуация, в которой родной язык становится чужим, может быть просто драматичной: личность входит в некоторое культурное меньшинство со своими друзьями, книгами, фильмами и песнями.

Но ситуация может быть и трагической: носители языка, названного государственным, могут обвинить человека в измене государству уже в силу самого факта верности родному языку. Тогда *бытие в родном языке* становится действительным героизмом, неважно в какой стране это происходит – в СССР, США, России или Украине.

Элементарным критерием цивилизованности и культурности государства в современном мире есть уважение достоинства личности как носителя родного языка, и здесь *права личности* должны быть важнее *прав государства*. Иначе государство начинает пахнуть тоталитаризмом.

3

Любое цивилизованное государство должно сделать все, чтобы носитель родного языка не чувствовал одиночества, более того, *не был обвинен в одиночестве*.

Или наоборот – в организации культурных сообществ, «угрожающих» официальной культуре на государственном языке.

4

Одним носителям родного языка повезло больше, другим – меньше. И дело тут не просто в том, что родной язык может совпадать или не совпадать с государственным. Ничтожное государство – это унижение языка, который оно сделало государственным.

Проблема в том, что родной язык может быть *мировым*, а может быть *лишь государственным*.

Мировой язык – это язык, который понимают в самых разных регионах мира и который неизбежно становится языком международного общения.

Носитель родного языка, который является мировым, по каналам коллективного бессознательного получает огромную энергию. Эта энергия питает человека даже в том случае, если его родной язык не имеет государственного статуса в стране его обитания. Такому человеку гораздо проще думать и писать на родном языке, чем его соседу, родной язык которого государственный, но не мировой.

Носитель родного языка, который не стал мировым, переживает глубинное одиночество в мире, которое может парадоксально усугубляться единством его страны.

В чем выход? В понимании того, что подлинная верность родному языку – в воле к его выходу на мировой уровень.

Такая воля есть не просто воля к творчеству. И это даже не воля к героизму. Это *воля к гениальности*. Ибо только гениальная личность способна создать на родном языке произведения, содержание и смысл которых станут интересны миру.

А рано или поздно мир обратит внимание на стиль и *язык* этих произведений.

ЭПИЛОГ

Хотелось бы завершить это эссе на только что прозвучавшей возвышенной фразе, но сказанное неумолимо порождает новые вопросы.

Как возникает воля к гениальности, которая способна выводить тот или иной язык на мировой уровень? Чего стоит эта воля, если она не подкреплена экономическими и военными завоеваниями своей страны, *навязывающими свой*

язык соседям и всему миру? Во что превращает родной язык воля к гениальности – в *язык души* или в *язык успеха*?

И еще несколько вопросов, связанных с интимными областями души. Всегда ли родной язык – это язык родителей? Как быть, если женщина принимает родной язык мужа вместе с принятием его фамилии как *свой родной язык*? Изменяет ли она себе, своим родителям, народу? И как быть с мужчиной, принявшим язык и веру своей женщины? Должны ли мы вместе с Тарасом Бульбой восклицать: «я тебя породил, я тебя и убью»?

У меня пока нет однозначных ответов на эти вопросы. Но уже сейчас очевидны три вывода.

Первый: Да, для большинства людей родной язык – это язык родителей, но в глобализирующемся мире язык души может и должен выбираться *самим человеком*, а не его родителями или государством. В XXI веке, в отличие от XX, речь должна идти не о *свободе использования* родного языка, а о *свободе его выбора*. Или иначе: *в современном мире каждый из нас имеет право на разделение родного языка и языка души*. Парадокс: проблема родного языка и языка души становится все более личной, а не общественной потому, что она все более становится *мировой*.

Второй вывод: когда родной язык и язык души совпадают, одиночество человека часто порождается *противоречием родного языка и языка успеха*, который, как правило, является мировым. Принятие языка успеха как родного унижает человека, но и прямолинейная попытка сделать родной язык языком успеха унижает и человека, и его родной язык. Но есть и иной, более сложный и благородный путь. Это путь творческого одушевления и одухотворения родного языка. Превращение родного языка в язык души и духа, и благодаря этому – в язык успеха, что действительно возвышает родной язык.

И третий вывод: выход нового языка на мировой уровень в XXI веке – дело почти невозможное, но творческие носители этого языка, принявшие его в глубину своего сердца, должны стремиться к этому. словно герои античной трагедии, даже без надежды на успех, они должны штурмовать мир идеями и образами на родном языке.

А затем вновь и вновь пытаться найти их адекватные переводы на языки мировые, и при этом не испытывать ни раздражения, ни ненависти. И не проклинать своих сограждан, выбравших как родной мировой язык, а пытаться увлечь их в глубину своих произведений волшебством сюжета, глубиной идей, пронзительностью и теплотой метафор.

Н.В. ХАМИТОВ

Возможно именно это вернет в мир
оскудевшую святость, уснувший героизм и
охладевшую гениальность.

2009

ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИИ
К. ЯСПЕРСА
И МЕТААНТРОПОЛОГИЯ:
ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ
КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА
И ЕГО БЫТИЕ

«Человек – это существо,
которое не только есть, но и
знает, что оно есть».

Карл Ясперс

1

В этом эссе делается попытка соотнести философию экзистенции Карла Ясперса и метаантропологию. При всем очевидном сходстве этих учений между ними есть глубинные отличия.

Имеет смысл сначала очертить ландшафт основных проблем философии экзистенции Ясперса и метаантропологии, а затем обратиться к их сравнительному анализу.

Представляется, что главным отличием философии экзистенции Ясперса и

метаантропологии есть понимание отношения экзистенции и трансценденции.

Постараемся увидеть это.

2

Есть философские учения, в которых экзистенция есть одинокое и конечное присутствие в мире. В них стремление к постижению смысла своего существования, составляющее сердцевину экзистенции, порождает чувство абсурда, а трансценденция из Вечности переходит во время, становясь *лишь будущим*. Таков атеистический экзистенциализм Альбера Камю и Жана-Поля Сартра. В нем экзистенция – это проект, замкнутый между *двумя Ничто* - рождения и смерти. Говоря образно, человек в атеистическом экзистенциализме – это узник, заключенный между рождением и смертью. Отсюда – устойчивая связь между экзистенциализмом и пессимизмом.

Философия экзистенции Карла Ясперса совсем иная. В ней мы наблюдаем *открытость человеческой экзистенции* – и индивидуальному бессмертию, и подлинному общению.

3

В результате получаем иную трактовку трансценденции и связи с ней экзистенции. Трансценденция пребывает в Вечности, а не во времени. А так как экзистенция тоже причастна к стихии Вечности, она способна постигать трансценденцию, *вживаться* в ее бытие.

Однако у Ясперса человек как экзистенция способен и к *трансцендированию во времени*. Он не просто медиум, между трансценденцией и миром, человек способен трансформировать мир и самого себя, постоянное самоизменение – его сущность. «Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного; он – существо, которое не может быть полностью познано просто как бытие, но еще свободно решает, что оно есть...» [15; С. 289 – 290], - пишет Ясперс.

4

Более того, согласно Ясперсу, человек способен создавать время как онтологическую парадигму

истории. Он вводит в философскую антропологию и философию культуры категорию «осевое время» – обозначающую единство человеческой истории и намекающая на единство человеческой природы. Для К. Ясперса «осевое время» - это идеальная ось, в смысловом и ценностном пространстве которой разворачивается история современного человечества. «Осевое время» сформировалось с 800 по 200 до н.э., в Китае это деятельность Конфуция, Лао-Цзы и их последователей, в Индии - мыслителей Упанишад и Будды, на Ближнем Востоке – библейских пророков, в Иране - Заратустры, в Греции – философов, поэтов, драматургов и скульпторов. Несмотря на различие этих духовных движений, по К. Ясперсу, «осевое время» - единое духовное движение, которое сформировало тот экзистенциальный тип человека, который существует поныне.

Таким образом, «осевое время» - это одновременно и некий период, и смысловая ось, пронизывающая историю до наших дней.

5

Особенное место в философии экзистенции Ясперса занимает учение о подлинности

человеческого бытия. Находясь в обыденности, наличном бытии (Dasein) человек еще не знает экзистенции и не имеет опыта переживания трансценденции. Лишь пережив «пограничную ситуацию» (Grenzsituation), которая возникает при встрече со смертью, переживании вины, ужаса, отчаяния, важных событий, результаты которых не могут быть предусмотрены, человек получает возможность открыться экзистенции как подлинности. Пограничная ситуация прерывает монотонное течение обыденности. Она подталкивает человека к поступку как нравственному самоопределению, которое выходит за пределы обыденного бытия как подчиненности традиционным способам жизни, в которых нет места экзистенциальному выбору и самостоятельному поиску смысла.

На протяжении XX века понятие «пограничная ситуация» широко распространилось в экзистенциально ориентированной философии и психологии; оно очерчивает кризисные состояния человека, приводящие к актуализации личностного начала. Такая актуализация обнаруживается прежде всего в обострении самосознания и изменении смысла жизни. Это может приводить в свою очередь к изменению переживания самоидентичности.

Метаантропология (от *мета* – над и *антропология* – наука о человеке) может быть определена как учение о пределах бытия человека, его экзистенциальных измерениях, условиях коммуникации в этих измерениях и архетипических основаниях культуры.

Понятие «метаантропология» появляется уже у позднего Макса Шелера в контексте осознания возможностей трансцендирования человека за «пределы жизни» – в духовное пространство, в котором человеческое соединяется с божественным, а человек выступает как партнер (Mitbildner) Творца.

Как развернутая теория метаантропология сформировалась в современной украинской философии в качестве одной из тенденций развития философской антропологии, прежде всего экзистенциальной антропологии Киевской мировоззренчески-антропологической школы. Современная метаантропология трактуется прежде всего как теория обыденного, предельного и запредельного бытия человека, а также фундаментальных тенденций эволюции человека и человечества [12].

Обыденное бытие человека – ключевое понятие метаантропологии, обозначающее измерение человеческого бытия, которое является результатом реализации воли к самосохранению и воли к продолжению рода. В результате обыденное бытие человека в метаантропологии трактуется как родовое и цивилизационное бытие.

Понятие обыденного бытия человека характерно для психоаналитической, экзистенциальной и персоналистической традиций философии XX века. Термин «обыденность» широко использует Н. Бердяев [1, 2]. Обыденность выступает для него охлаждением человеческого в человеке. У З. Фрейда встречаем понятие «обыденная жизнь». М. Хайдеггер в «Бытии и времени» и в целом ряде более поздних произведений пользуется понятиями «обыденное присутствие», «присутствие в его повседневности», «повседневное присутствие», «обыденность», отмечая принципиальную безличность (*das Man*) этих ситуаций человеческого бытия [5]. К. Ясперс для определения обыденности использует понятие «наличное бытие» (*Dasein*) – у

него этот термин, в отличие от М. Хайдеггера, означает именно обыденность.

Обыденное бытие человека в метаантропологии характеризуется как подчиненность обстоятельствам, неопределенность собственного пути и страх экзистенциального выбора. Это наслаждение несвободой, отсутствием ответственности, что низводит человека до уровня объекта манипуляций. В обыденности можно проявлять огромную внешнюю активность, однако она всегда задана извне, а не внутренне, глубинно.

8

Предельное бытие человека в метаантропологии обозначает измерение человеческого бытия, в котором происходит сознательный выход за пределы обыденности с ее безличной гармонией в экзистенциальное пространство, в котором человек актуализирует личностные возможности, становясь при этом трагически одиноким. В контексте на это намекают экзистенциалы предельного бытия: «тоска», «ужас», «отчаяние», «гнев», «надежда», «вера». Это означает включенность в процессы создания и восприятия культуры. В предельное бытие человек выходит

благодаря реализации воли к власти и воли к познанию и творчеству. Это закладывает экзистенциальную основу противоречивости предельного бытия.

Предельное бытие есть такое измерение человеческого бытия, в котором происходит усиление одиночества, однако появляется и возможность действительного выхода за его пределы.

9

Запредельное бытие человека в метаантропологии описывает то измерение человеческого бытия, в котором происходит выход за пределы обыденного бытия с его безличной определенностью и предельного бытия с его трагичностью и экзистенциальной отчужденностью.

Запредельное бытие есть преодоление замкнутого характера человеческого бытия через переход воли к самосохранению и продолжению рода обыденного бытия, а также и воли к власти, и воли к познанию и творчеству предельного бытия в волю к свободе и любви. В результате в запредельном бытии человека осуществляется

метаморфоза воли во вдохновение, а творчество выходит за пределы объективации, становясь актуализацией – творением себя и пространства продуктивной коммуникации.

Развертывание запредельного бытия возможно через феномен толерантности, которая означает глубинное очищение и очеловечение бытия свободы и любви и их экзистенциальный катарсис.

10

Учитывая то, что проблема измерений человеческого бытия, а также коммуникации характерна для философской антропологии, экзистенциализма и персонализма во всех их разновидностях, закономерным будет вывод, что метаантропология интегрирует подходы этих направлений.

Метаантропология есть философская антропология времени фундаментального антропологического кризиса – начиная от его экологических аспектов и заканчивая аспектами ментальными и политическими. В этом контексте метаантропология выступает антропологией взаимопонимания, антропологией толерантности – системой идей и концептов, благодаря которым

происходит осознание невозможности достичь преодоления антропологического кризиса современности через монологические и самодовлеющие метанаративы.

Метаантропология может быть разделена на персоналистическую и коммуникативную. Персоналистическая метаантропология исследует человеческое бытие в экзистенциально-личностных измерениях – обыденное, предельное, запредельное бытие; коммуникативная метаантропология изучает условия и логику коммуникации между разными человеческими сообществами - в том числе этноантропологическими.

Поэтому коммуникативная метаантропология с необходимостью становится этноантропологией – учением об экзистенциальной неповторимости этносов и возможности коммуникации между ними, учитывая эту неповторимость. Кроме того, этноантропология как метаантропология является наукой об условиях коммуникации этноса и личности во всей ее экзистенциальной полноте, выходя тем самым на актуальную проблему современности – проблему прав человека.

Персоналистическая и коммуникативная тенденции метаантропологии соединяются в метаантропологии пола, которая изучает мужское и женское как духовное и душевное. Метаантропологический подход открывает для философии пола понимание причин экзистенциального одиночества мужчины и женщины и возможности гармонии между ними на уровне целостного духовно-душевного взаимодействия. Все это делает метаантропологию методологической и мировоззренческой основой новейших направлений психоанализа – актуализирующего психоанализа [3] и андрогин-анализа [4].

Методологические основания метаантропологии могут быть сформулированы в виде пяти принципов и вытекающего из них метаантропологического закона, который позволяет прогнозировать перспективы эволюционирования человека и его мира.

1. Принцип онто-волюнтаризма (принцип корреляции воли и экзистенциальных ландшафтов)

Фундаментальные экзистенциальные измерения человеческого бытия формируются под воздействием волевых импульсов. Как было показано выше, обыденное измерение бытия человека создается волей к самосохранению и продлению рода, предельное – волей к власти, а также волей к познанию и творчеству, запредельное – волей к любви и свободе в их единстве.

2. Принцип метаантропологической триады.

Обыденное бытие человека – это бытие в относительной гармонии, предельное бытие – это бунт и разрушение гармонии обыденности, запредельное бытие – восстановление гармонии на новом основании – свободной личности. Поэтому обыденное бытие наполнено скрытым одиночеством, в предельном бытии оно становится явным, в запредельном бытии происходит преодоление одиночества, в результате чего личность открывается любви.

3. Принцип антропологической относительности и абсолютности.

Каждый человек соединяет в своем присутствии в мире обыденное, предельное и запредельное экзистенциальные измерения при

доминанте какого-то одного из них; эта доминанта может меняться со временем. Само запредельное в человеческом бытии, если оно застывает в своей гармонии и отчуждается от предельности, со временем становится относительным, превращаясь в обыденность. Но запредельное абсолютно в момент экзистенциального порыва по его созданию, и оно всегда абсолютно как ценность. Однако абсолютность запредельного бытия человека, отчужденного от предельности – это трагическая абсолютность, ибо запредельное низводится до воспоминания и созерцания ценностей, отчужденных от потока жизни. Запредельное становится действительно абсолютным, если включает в себя предельное. Иными словами, запредельное освобождается от трагизма абсолютности, соединяясь с трагизмом предельного бытия.

4. Принцип целостности человека и мира.

Целостность человеческого бытия создается единением мужчины и женщины в паре; но для того, чтобы эта целостность была не животной, а человеческой, она должна проявиться внутри личности – в виде единства духовности и душевности как глубинных проявлений мужественности и женственности. Целостность личности и

коммуникативная целостность любящей пары выступают основой всех действительных форм целостности в мире человека.

5. Принцип антропо-трансцендирования.

Выход за пределы человеческого – в синтезе гениальности, героизма и святости. Это единство составляет бытие Богочеловека; к нему ведут пути Сверхчеловека (единство гениальности и героизма) и Метачеловека (единство гениальности и святости) [12].

На основе этих принципов формулируется метаантропологический (антропо-генетический) закон, очерчивающий логику и перспективы антропогенеза. В контексте данного исследования его можно выразить так: на каждой последующей эволюционной ступени развития человека и человечества сохраняется значительное число индивидов, которые остаются на предыдущей ступени, создавая пространство обыденного бытия, но это уравнивается личностями, живущими созданием следующей ступени и постоянно открытой возможностью присоединиться к ним.

Здесь мы подходим к принципиальному отличию в понимании выхода человека за пределы обыденности в метаантропологии и экзистенциализме Ясперса.

Если пограничная ситуация, которую описывает Ясперс, есть выход за пределы обыденности в большинстве случаев возникающий в результате внешних по отношению к человеку обстоятельств, то предельное бытие является следствием *осознанного выхода* из мира обыденности, когда предельность теряет свой случайный характер и потому приобретает статус специфического *бытия*, а не *ситуации*. В предельное бытие человека выводит не вдруг возникшее трагическое обстоятельство и не одиночный поступок, а «ансамбль» поступков и переживаний, который является следствием желания реализоваться за пределами обыденного присутствия в мире.

Предельное бытие человека есть фундаментальное отрицание обыденности, трансцендирование за ее горизонты. Тогда как пограничная ситуация, катапультируя человека за пределы обыденности, часто уходит, возвращая человека в эти пределы. Таким образом,

обыденность, словно магнит, вновь и вновь притягивает к себе человека, временно покинувшего ее в пограничной ситуации. Более того, обыденное бытие способно включать в свои структуры и *сами пограничные ситуации*, порой весьма трагические: ситуации опасной болезни, смерти близких, неразделенной любви...

В контексте метаантропологии предельное бытие является результатом осознанного выбора человека, а потому может сопровождать его всю жизнь. Напротив, пограничные ситуации – это *временные* предельные проявления, которые заданы извне. В предельном бытии исчезает временность, ситуативность предельности, а обыденность, напротив, низводится до уровня ситуаций.

Это означает, что в предельном бытии человека исчезает обыденность как *измерение*, хотя в нем с необходимостью воссоздаются обыденные *ситуации*. Таким образом, выход в предельное бытие – это выход в другую по сравнению с обыденностью тотальность бытия, в другое бытийное пространство.

Второе отличие метаантропологии и философии экзистенции Ясперса лежит в плоскости понимания человеческой целостности.

Для Ясперса, как и для большинства его современников, человек – это дух, а «ситуация подлинного человека – его духовная ситуация» [15; С. 290]. Целостность человека – его духовная целостность. К этой целостности могут подключиться иные феномены (телесные, душевные, психические), но они не составляют *ядро* целостности, они - ее оболочка, придатки.

В метаантропологии ядро целостности человека – это глубинное единство его духовных и душевных измерений. Духовность и душевность здесь трактуются как глубинные стратегии человеческого бытия, которые определяют его трансцендирующий и коммуникативный характер и в своем единстве составляют основу личности.

В координатах метаантропологии душевность выражает глубинную женственность личности, тогда как духовность – глубинную мужественность. Душевность концентрирует в себе черты, которые мы традиционно рассматриваем как женские –

способность к любви, сочувствию, обращенность к настоящему, а не будущему, переживание *самоценности настоящего*. Духовность соотносится с самоочевидными проявлениями мужского начала, с его устремленностью в будущее, пренебрежением к настоящему, желанием прогресса, трансцендирования. На этой основе в метаантропологии преодолевается патриархальная традиция, которая возвышает духовность над душевностью. Они осознаются как равнозначные начала; актуализированная личность гармонически соединяет духовность и душевность.

15

И, наконец, третьим – и важнейшим – отличием метаантропологии и философии экзистенции Ясперса является разная трактовка отношения экзистенции и трансценденции.

Для Ясперса экзистенция – это стремление к трансценденции, которое завершается *переживанием* трансценденции. Трансценденция – это обозначение недостижимого Абсолюта. По сути, в философии Ясперса между экзистенцией и трансценденцией лежит онтологическая пропасть.

В метаантропологии экзистенция человека *онтологически едина* с трансценденцией. Двигаясь от обыденности к запредельному *через* предельное бытие, человек онтологически преодолевает свои пределы и расширяет возможности, обретая сверхчеловеческие, метачеловеческие и богочеловеческие черты. Поэтому трансценденция в метаантропологии – это *антропо*-трансценденция. Но равноценным есть и иное утверждение: антропо-трансценденция в метаантропологии – это экзистенция.

Таким образом онтологическое единство экзистенции и трансценденции становится возможным в человеке (и *благодаря человеку*), преодолевающему свои пределы и обретающему личностное бытие.

При этом в метаантропологии трансценденция не является лишь будущим, как в атеистическом экзистенциализме. Трансценденция не просто проект себя, которым занимается конечный человек, она находится не во времени, а в Вечности и глубинно связана с Абсолютом. Но бытие в Вечности и в Абсолюте потенциально доступно каждому человеку, который актуализировал свою личность на пути от обыденного и предельного к запредельному.

Отсюда – глубинная связь метаантропологии с персонализмом.

16

Делая вывод, предложу парадоксальную формулировку: философия экзистенции Ясперса, несмотря на все отличия от метаантропологии, *тоже является метаантропологией.*

Но это *метаантропология переживания и осознания*, но не *метаантропология бытия и его преобразования.*

Однако метаантропология как онтология человеческого преобразования во многом была актуализирована в мире благодаря духовному подвигу и душевной теплоте Карла Ясперса.

2010

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. – М., 1993.
2. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. – М., 1994.
3. Крылова С. Актуализирующий психоанализ // Хамитов Н., Крылова С. Философский словарь: человек и мир. – К., 2004.
4. Крылова С. Андрогин-анализ // Хамитов Н., Крылова С. Философский словарь: человек и мир. – К., 2004.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.
6. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. – М., 1993.
7. Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. – К., М., 2002.
8. Хамитов Н.В. Одиночество женское и мужское. Опыт вживания в проблему. – М., Харьков, 2004.
9. Хамітов Н.В. Екзистенційний вимір статі // Людина в есенційних та екзистенційних вимірах. – К., 2004.
10. Хамітов Н.В. Майбутнє екзистенціалу

«свобода» // Людина в цивілізації ХХІ століття: проблема свободи. – К., 2005.

11. Хамитов Н., Гармаш Л., Крилова С. История философии: проблема людини. – К., 2006.

12. Хамитов Н. Метаантропология // Хамитов Н., Крылова С. Философский словарь: человек и мир. – К., 2006.

13. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб., 1999.

14. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. – М., 1991.

15. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. – М., 1991.

16. Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. – М., 1991.

Часть 3

ЧЕЛОВЕК
В ПОИСКАХ
МИРА

ГЕНИЙ, ГЕРОЙ, СВЯТОЙ
И ИХ АНТИПОДЫ

Метаантропология странности

Фрагменты книги

ПРОБЛЕМА

Странность пугает большинство людей. Еще часть людей она настораживает. И только у некоторых из нас она вызывает любопытство.

И лишь очень немногие испытывают неодолимое влечение к странности.

Поэтому чаще всего люди желают отстраниться от собственной странности. Странность воспринимается как глубинно тревожащая неадекватность.

Почему так происходит? Странность намекает на две стратегии взаимодействия духовности и душевности во внутреннем мире каждого из нас, стратегии, чуждые обыденной жизни – экзистенциального гермафродизма и андрогинизма. Первая стратегия – это стратегия предельной власти,

вторая – стратегия любви и свободы, творчества и сотворчества.

Гермафродитизм рожден работой воли к власти, которая, подобно подземным рекам, вымывает огромные пещеры в душе, наполненные темнотой и ужасными существами, андрогинизм – солнечным ветром воли к познанию и творчеству, любви и свободе, заполняющих нас светом.

Это означает, что гермафродитизм замкнут в предельном бытии человека, тогда как андрогинизм, уходя корнями в предельное, раскрывается в запредельном.

Предположив, что конструктивность странности в предельном и запредельном бытии человека проявляется в гениальности, героизме и святости, мы можем соотнести эти качества с андрогинизмом, а противоположные им – с гермафродитизмом.

В результате имеем два вида странности. С одной стороны, странность Гения, Героя и Святого, с другой – странность их антиподов: Антигения, Антигероя и Антисвятого.

Сравним их.

1. Странность Гения и Антигения

1

Гений – это не просто человек, который сделал свое саморазвитие развитием человечества, это человек, способный увлечь за собой подобных себе, увлечь гениев. В этом высшая и сложнейшая задача Гения – не просто подарить человечеству открытие, но и актуализировать учеников, которые сами смогут сделать открытия.

Стремление гениальной личности посеять вокруг семени гениальности в границах обыденного бытия воспринимается удивительно странным, а порой – *невыносимо странным*.

2

Антигений поступает совершенно иначе. Ему нужно быть единственным гением, который совершает последнее, апокалиптическое открытие для мира. После этого открытия другие гении будут просто не нужны. В лучшем случае потребуются таланты с их *посредственной креативностью*, которые должны будут завершать частности и

полировать элементы последнего великого Открытия.

Открытие, произведение, система Антигения должны завершить земную историю. Такое стремление приводит к тому, что открытие Антигения перестает быть Открытием с большой буквы. Но самое главное, оно всегда вольно или невольно становится способом разрушения мира людей.

Ибо одна только мысль о том, что после может прийти новый Гений с новым Открытием становится для Антигения невыносимой. И это постепенно трансформирует его гениальность в посредственность.

Здесь главная причина всех проявлений странности Антигения.

3

Вслушиваясь теперь в странное слово «Антигений», мы можем вполне ощутить его зловещий смысл. Антигений – это уничтожитель гениев.

Эрос в бытии Антигения все больше становится Танатосом. Стремясь не допустить появления других гениальных личностей, он превращается в палача

человечества, напоминая Ирода, который уничтожает всех младенцев, чтобы свести счеты с одним-единственным.

4

Как ни парадоксально, люди обыденного бытия готовы больше чествовать Антигения, чем Гения. Антигений, как правило, дает им простые и окончательные ответы на все вопросы. И он не призывает их делать то духовное усилие, которое мы можем определить как *волю к гениальности*.

Увидев плоды Антигения, люди отшатаются от него, но вновь и вновь приветствуют тех, кто приходит ему на смену в новых улыбающихся масках на искаженных ненавистью лицах.

5

Самое странное, что Гений и Антигений очень редко появляются в этом мире в чистом виде. Как правило, они спорят в одной личности. Это, например, явно просматривается в жизни и творчестве Гегеля и Ницше.

Гегель призвал каждого к свободной мысли и, одновременно, хотел завершить своей системой не

только творческую историю философии, но творческую историю человечества. Ницше, неся в себе предельную человечность, желал навсегда покончить с человечностью руками Сверхчеловека.

Возможно, Антигений – это яд, который в небольших количествах становится для человечества лекарством, заставляя осознать, что быть *лишь Гением* в этом мире недостаточно.

2. Различие Героя и Антигероя

1

Если Гений меняет себя и мир при помощи текстов, то Герой – при помощи поступков. При этом поступки Героя практически всегда связаны с текстами Гения. Без этих текстов Герой превращается в банального бунтаря или преступника. Это хорошо показал Достоевский в образе Раскольникова.

Герой столь же нуждается в Гении, как и Гений в Герое. Гений находит в Герое личность, которая воплотит его идеи, Герой получает от Гения импульс, поднимающий его над обыденностью в предельное и

запредельное бытие, что освящает его поступки и делает *настоящим Героем*.

2

Гений создает особые странные тексты, постепенно меняющие сознание и судьбу поколений на десятки и даже сотни лет вперед. Герой творит особые судьбоносные поступки – *подвиги*, коренным образом меняющие жизнь здесь и теперь.

Именно то, что Герой совершает не просто поступки, а подвиги, притягивает его к текстам Гения.

Просто поступки, даже так называемые *героические поступки*, не нуждаются в обосновании текстами и тем более текстами Гения; однако подвиги невозможны без них.

Мера странности, которая есть в подвигах, требует обращения к гениальности.

3

Естественно было бы предположить, что Антигерой рождается творчеством Антигения.

С одной стороны, это действительно так. Идеи Антигения о последнем Открытии, взрывающем мир,

могут напрямую превращать Героя в террориста или *провоцировать* подобное превращение.

Но Антигерой как практический разрушитель человека и его мира не обязательно является спровоцированным исполнителем или прямым орудием некоего Антигения.

Наполненный волей к власти, Антигерой может оттолкнуться от достаточно чистых и человеческих идей настоящего Гения, исказив их или включив в *странный контекст*.

Предельная воля к власти, рождающая Антигероя, искажает его взгляд, направленный и на жизнь, и на творчество.

В этом принципиальное отличие Героя и Антигероя.

Герой рожден волей к любви и свободе, которая приводит его к идеям того или иного Гения. Антигерой, *исхлестанный изнутри* бичом воли к власти, готов подбирать какие угодно идеи – лишь бы они помогали увеличению власти.

Наверное Антигерой, как и Антигений, является ядом для человечества. Но в этом яде есть лишь доля яда, ибо он помогает постигнуть то, что чистый героизм – даже как служение подлинной гениальности – не может быть конечным смыслом бытия человека.

Ибо в этом бытии есть еще и святость, обладающая своим величием и своей особенной предельной и запредельной странностью.

3. Святой и Антисвятой

1

Быть странным еще не значит быть собой. Однако без обретения странности стать собой невозможно. В наибольшей степени это касается Святого.

Святые наименее понятны людям обыденного бытия. Если гении и герои получают за свои достижения «прижизненную славу и почет», или во всяком случае могут получить их с некоторой долей вероятности, то святые получают в лучшем случае уединение, а в худшем – мученическую смерть.

В бытии Святого духовность настолько одушевляется, что его целостность может вызывать садистическую агрессию людей, одержимых волей к власти, – такая воля может сделать запредельно целеустремленным, но не целостным.

2

Однако именно святые странным образом наиболее почитаемы людьми обыденного бытия. Они превращаются в объекты ритуального поклонения, а их имена становятся архетипическими для той или иной культуры.

Наверное это происходит потому, что Святой в наибольшей степени близок к человеку в его обыденности и повседневности. Он не удален от него гениальными стихами или сверхчеловеческими подвигами на поле боя.

До какого-то момента это и отталкивает человека обыденности. Святой представляется ему жертвой и неудачником, и лишь в самой глубине души пульсирует удивление и уважение.

Когда же Святой уходит из жизни или правители готовы канонизировать образ ныне живущего Святого, удивление и уважение поднимаются из глубины, становясь поклонением.

3

Если рядом с Гением и Героем Святой наиболее трогателен и душевно открыт, то Антисвятой

наиболее страшен – даже по сравнению с Антигением и Антигероем.

Антисвятой – это личность, которая имитирует и душевность, и духовность, более того, их целостность, чтобы абсолютно манипулировать окружающими.

В отличие от Антигения, который хочет остановки всемирной истории после своего открытия, Антисвятой желает, чтобы история длилась бесконечно и все разумное и живое в ней было подчинено его воле. Таков император из «Звездных войн» Лукаса.

Но как и в случае с Антигением, в одном человеке могут ужиться как Святой, так и Антисвятой. Это делает подобных людей завораживающе странными. Таковы Волк Ларсен из «Морского Волка» Джека Лондона, Ганнибал Лектор из «Молчания ягнят» Томаса Харриса и Гренуй из «Парфюмера» Зюскинда.

Антисвятой – это доведение до абсурда всего того, что есть в Святом, но такое доведение в конце концов лишь подчеркивает роль Святого в мире людей, отсекая от этой роли все лишнее и безжизненное.

* * *

Гений, Герой и Святой не позволяют людям становиться на четвереньки и в прямом, и в переносном смысле. Эти фигуры – стражи подлинной духовности и душевности. Они – эликсир бессмертия духовности и душевности в мире людей.

Напротив, Антигений, Антигерой и Антисвятой – это яд человеческого бытия.

Знание дозы позволяет утихомирить страх и приблизиться.

И убедиться, что в очень малых количествах этот яд действительно может способствовать стимуляции целостности, заставляя Гения, Героя и Святого не только проявлять лучшие качества, но и соединяться, преодолевая гордыню изолированности друг от друга и Абсолюта, который наполнен высшей андрогинной целостностью духовного и душевного и триединством гениальности, героизма и святости.

Важно только правильно определить дозу, *действительно* превращающую яд в лекарство.

И помнить, что использование такого лекарства может соединить Антигения, Антигероя и Антисвятого в ту целостность, которая в христианской культуре получила имя Антихриста.

Поэтому стоит осознать, с какого момента человечество сможет освободиться от душевных ядов и лекарств на основе этих ядов.

Ибо «будьте как дети и вам откроется Царствие Небесное». А дети не знают ни ядов, ни лекарств.

2014

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ БЫТИИ

1. Очевидное: симметричное и асимметричное в теле

1

Ребенок встречается с симметрией, рассматривая себя в зеркале. Он видит два глаза, наблюдает одинаковую соразмерность рук и ног.

Затем к нему приходит знание, что симметричным может быть не только двойное, но и *одинарное*. Тогда он постигает симметрию собственного носа, губ, туловища. Чуть позже к нему приходит опыт асимметрии. Вероятно, человек сталкивается с этим в подростковом возрасте, когда переживает отчуждение и одиночество и ищет изъяны в себе.

2

Такую же симметрию и асимметрию человек видит в животном мире. Симметрия наполняет его умилением. Асимметрия забавляет его.

В мире людей ситуация совсем иная – асимметрия телесности порождает равнодушие либо трагическое переживание.

И если асимметрия лица *в конце концов* воспринимается относительно спокойно, то асимметрия остального тела всегда вызывает тревогу – она означает либо уродство, либо инвалидность. Углубление в эту тревогу обезоруживает человека, и он стремится отстраниться от ее источника – чаще бессознательно, но порой и осознанно.

3

Выше было сказано, что человек замечает асимметрию собственного тела в подростковом возрасте, когда переживает отчуждение и одиночество. Сначала он ищет изъяны в себе, страдает, затем смиряется и начинает видеть в собственной асимметрии *индивидуальность*.

Потом он понимает, что человеческая красота всегда *украшена асимметрией*. Асимметрия рождает не просто индивидуальность, она рождает *индивидуальность красоты*. Абсолютно правильные симметричные черты бывают застывшими и мертвыми. Часто такая красота банальна.

Другое дело, что асимметрия есть индивидуализация красоты лишь до определенного предела. Но этот предел устанавливает не только природа, но и эпоха. А человек, вышедший из кокона обыденности, задает предел асимметрии сам, порой диктуя его для всей эпохи.

4

Особенно остро асимметрию как непохожесть на других переживают девушки. Любое отличие от сверстников вызывает у них страх. А затем они начинают приручать асимметрию. Для девушек асимметрия – прежде всего лица – становится своеобразным поворотом красоты – непохожестью на всех.

Юноша проще относится к асимметрии своего лица; но он панически опасается асимметрии тела, которая может угрожать его мужественности.

5

Некоторые из нас создают целые мифы по поводу асимметрии собственного лица. Например, один из моих андрогин-аналитических клиентов считал, что линия его асимметричного носа может

быть названа аристократичной, некоторые полагают, что асимметричные скулы являются притягивающе загадочными, а асимметрия ушей – эксцентричной. И все это в конце концов называется индивидуальной гармонией, что не мешает проводить параллели с Наполеоном, Чарли Чаплином, Мэрилин Монро и т.п.

В таком мифотворчестве нет ничего плохого. Оно помогает нам преодолеть конфликт тела и личности. Но за определенной чертой такое мифотворчество начинает подавлять нашу личность – если мы слишком заикливаемся на нем, и оно становится *эпицентром мифотворчества*.

2. Углубление очевидности: симметричное и асимметричное в отношениях

1

На словах все мы стремимся к симметрии в отношениях.

Но на деле нам очень часто хочется асимметрии, – мы желаем доминировать и вести партнера. Мы проявляем *волю к симметрии* как *временное* подтягивание партнера, чтобы

впоследствии еще более оторваться от него. Когда же партнер слишком борется за симметрию в отношениях, и он нам достаточно дорог, некоторое время мы готовы наслаждаться симметрией отношений с ним, но с течением времени она неизбежно начинает нас тяготить.

Человек, который тяготится симметрией в отношениях при желании лидерствовать и управлять, будет режиссировать активную асимметрию. Он может быть назван режиссером *активной асимметрии в отношениях* или *асимметрии власти*.

Обратная сторона медали – это бегство от симметрии в отношениях через стремление двигаться *следом* за лидером без претензии поравняться с ним. Это позволяет переложить ответственность за свою свободу на партнера и дает чувство облегчения многим мужчинам и женщинам со скрытой мазохистической ориентацией. Получаем режиссера, а затем и актера *пассивной асимметрии в отношениях* или *асимметрии подчинения*.

2

На первый взгляд кажется, что стремление быть ведущей стороной асимметрии в отношениях характерно для мужчин, а ведомой – для женщин.

Более глубокое осознание позволяет отнести к ведущей стороне асимметрии маскулинных мужчин и женщин, к ведомой – феминных женщин и мужчин.

Однако женский уход от симметрии в отношениях в направлении пассивной асимметрии порой означает глубинное стремление к активной асимметрии, просто в иных измерениях отношений. Женственная женщина и женственный мужчина открыто стремясь к асимметрии подчинения в пространстве профессиональной реализации, часто строят тайную асимметрию власти и лидерства в пространстве сексуальности и семьи.

3

Целостная, андрогинная личность и мужского, и женского пола всегда желает симметрии отношений. Ей одинаково чужда заикленность и на асимметрии власти, и на асимметрии подчинения.

Но самые симметричные отношения плодотворных целостных личностей рано или поздно могут стать асимметричными – кто-то из партнеров вырывается вперед. Это совершенно нормально и естественно. Другое дело, что такая ситуативная асимметрия в отношениях андрогинных личностей

должна всегда порождать симметрию более высокого порядка.

Иными словами, в отношениях андрогинных личностей *симметрия всегда носит динамический характер*, а возникающие моменты асимметрии актуализируют новое качество симметрии.

Итак, андрогинная симметрия в отношениях не отбрасывает асимметрии, она использует ее как катализатор собственного роста.

3. Завершение очевидности: симметрия и асимметрия в символах отношений

1

Заманчиво было бы допустить, что симметрия и асимметрия в сакральных символах того или иного народа несет в себе скрытый смысл.

Очевидно предположить, что симметричные символы означают гармонию, самодостаточность, целостность, андрогинность, а асимметричные – дискретность и разорванность, стремление доминировать и господствовать.

Например, если мы возьмем символику фашизма, свастику, то увидим, что она асимметрична. Асимметричность свастики

дополняется устрашающей асимметрией формы СС с единственным погоном на черном френче.

Свастике в первой половине XX века противостоит симметричная пентаграмма. Как сакральный символ Советского Союза и Америки – систем достаточно пассионарных и агрессивных, но все-таки не настолько, чтобы сделать захват и войну явными и основополагающими ценностями своих идеологий.

Эротичная пентаграмма в XX веке побеждает танатичную свастику.

2

Гипотеза об эротичности симметричных символов и танатичности несимметричных, однако, натывается на ряд фактов, которые противоречат ему. Например, символ Дао – две стихии в круге, разделенные волнообразной линией. Асимметричный символ Дао есть выражение высшей гармонии и целостности.

Неужели наше предположение не верно? Нет, если мы допустим, что существует не только линейная симметрия, но и волнообразная. В символе Дао мы встречаемся с *волнообразной симметрией*, которая предполагает динамическую симметрию, симметрию не просто органов и тел, но и отношений.

Итак, линейная симметрия означает статику, волнообразная – динамику, движение. Как же быть со свастикой, которая весьма динамична? Может быть, в ней тоже наблюдаем подобную симметрию? Да, в свастике, вероятно, тоже есть своя динамическая симметрия. Но это симметрия не волновая, а *ломаная*. Ломаная симметрия более агрессивна, чем волновая, вероятно, само наличие углов намекает на агрессию.

Рассмотрим становление свастики как символа. Вполне вероятно, что свастика рождается из креста – древнейшего сакрального символа, обозначающего солнце. Одной из разновидностей креста есть крест в круге, где образ солнца выступает более явно. Если мы сделаем разрывы между сторонами креста, изображенного в круге, то получим свастику – возможно сначала и появилась такая «мягкая свастика» с закругленными концами. В ней подчеркнут момент движения, но еще нет момента агрессии, или он присутствует достаточно слабо.

Как только мы делаем в свастике углы прямыми, она сразу становится агрессивной. Воссоздание движения заменяется изображением скрытой энергии и агрессии. Неважно, куда загнуты лучи ломаной свастики, по солнцу или против солнца, она есть выражение агрессии и натиска.

Вероятно, это касается любого сакрального символа с *ломаной линией симметрии*.

3

Но не все сакральные символы с *ломаной линией симметрии* являются агрессивными. Рунические символы несут в себе натиск, но не всегда агрессию.

4

Таким образом, от бинарной модели – «*симметричное – несимметричное*» мы переходим к более сложной триадической – «*симметричное – несимметричное – сложносимметричное*».

Дао и свастика – символы сложносимметричные, а не асимметричные. Однако при этом они имеют совершенно противоположную природу.

Дао – это символ внутренней андрогинности, свастика – гермафродитности. Дао – символ гармоничного сотворческого взаимодействия мужского и женского, свастика – их бесконечной борьбы и противостояния. Поэтому если свастика символизирует предельное бытие человека, то дао – символ бытия запредельного.

Если существует сложная симметрия, то можно ли предположить, что существует и сложная асимметрия? Если да, то можем ли мы говорить о волнообразной асимметрии и ломаной асимметрии? В чем их специфика?

Прямолинейная асимметрия как нарушение прямолинейной симметрии означает трансформации в пространстве, которые могут намекать на динамику. В сакральных геральдических символах это, например, орел с головой в профиль и телом в анфас (классический пример – фашистский орел).

При нарушении волновой, динамической симметрии, например, андрогинной симметрии отношений мужчины и женщины, мы получаем волновую асимметрию. Эта волновая асимметрия будет весьма плодотворной, если становится лишь моментом, актуализирующим симметрию.

При этом подлинно андрогинная симметрия является настолько могущественной, что может использовать как волновые, так и ломаные свои типы, что предполагает самые разные формы плодотворного взаимодействия партнеров.

2015

ИСТОРИЧНОСТЬ И ВНЕИСТОРИЧНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

1

Внеисторичность культуры некоторых стран удивительно проявляется в излишней *заикленности на истории*, когда эти страны превращают историческую науку в историческую мифологию или, точнее, в *национальную историческую мифологию*.

В результате возникают «концепции» о происхождении человечества от жителей и культуры этой страны, об изначальном антропологическом типе, порождающем многообразие остальных антропологических типов.

Выход из внеисторичности бытия – в реальном творчестве своей культуры, а не мифов о ее прабытии. Ибо перетекание творческой энергии в такие мифы обессиливает культуру. И даже не важно, дают ли премии за результаты такого творчества или нет.

2

Другой крайностью внеисторического бытия культуры есть переживание ее *вечной*

внеисторичности. Результатом этого становится комплекс второсортности своей культуры. Носители этого комплекса ищут в чужих культурах образцы для подражания – даже если не получают за это чинов и ресурсов. С другой стороны, в культуре, в которой актуализирован комплекс второсортности, мы имеем целую армию проходимцев от науки и искусства, которые ищут зарплат, чинов и грантов для реализации воли к власти и воли к продлению рода.

3

В культурах, зараженных комплексами сверхценности или неполноценности, и погружающихся в бездну *внеисторичности*, проходимцев, которые паразитируют на этих комплексах, очень много.

Поддерживая и призывая друг друга, они заполняют места выдачи ресурсов на культуру, и творческие люди, которые могли бы вывести свою культуру за пределы комплексов величия или ничтожества, оказываются оттесненными от возможностей реализации и нужны поистине героические усилия, чтобы быть собой и пытаться оздоровить культуру.

Если усилия настоящих творцов не имеют успеха, бездна внеисторичности становится *бездной забвения*. Культура мельчает настолько, что ее перестают замечать.

Действительно, *культура может измельчать настолько, что ее невозможно заметить*. Тогда ей на смену приходят растущие как грибы, формы псевдокультуры или, точнее, бескультурия.

Наиболее явно это проявляется в тоталитарных культурах, которые культурами можно называть весьма условно.

4

Внеисторичность тоталитарных культур совершенно особая. В них явно проявляется комплекс сверхценности. Но в его глубине, словно извращенное сердце, постоянно пульсирует комплекс неполноценности – каждый участник тоталитарных культур, которого вполне можно назвать их узником, испытывает глубинный страх перед своим проявлением в культуре, своим *высовыванием*, возвышением из массы. Вместе с тем, тоталитарные культуры призывают каждого жить на пределе и за пределом возможности, отсюда скрытая

борьба комплекса сверхценности и неполноценности в творцах и творениях тоталитарных культур.

5

Тоталитарные культуры – это раковые опухоли истории. С одной стороны, они заполняют пространство истории и даже *вытирают* из него, с другой, - мы видим удивительную бесплодность тоталитарных культур для других исторических эпох и пространств.

Тоталитарные культуры эгоцентрически замкнуты на себя, поэтому их показная сверх-историчность на самом деле – это внеисторичность.

Тоталитарные культуры – это черные дыры истории, которые пытаются втянуть в себя *всю историю* в многообразии ее пространства и времени, и неизменно утрачивают свое специфическое культурное лицо.

Безусловно, сталинские высотки, Ананербе, ритуалы и символы НКВД или СС имеют свое лицо, но это *гримасы цивилизации*, которые выдают себя за культуру.

6

Вообще в тоталитарных обществах культура и цивилизация сливаются в нерасчленимую тотальность, предлагая человеку реализацию его давнишней мечты единения духовного и материального. Но такое единение всегда связано с подавлением духа материей, точнее с *придавливанием* духа материей.

Придавленный материей дух принимает пафосные и скрыто-иронические формы в изобразительном искусстве, архитектуре, беллетристике и кино, но не в теоретической философии, которая обязана быть *абсолютно пафосной* и предсказуемо-схематичной.

Все гуманитарное знание, которое преподают в университетах, движется в русле такой «теоретической философии», наполняясь раздувшимся пафосом и становясь глубоко чуждым культуре и истории – и истории культуры, и *культуре истории*.

7

Здесь важно осознать, что дух, как и интеллект, способен выступать в форме иронии и пафоса.

Иронизирующий дух разрушает старые смыслы, дух пафосный сотворяет их. И та, и другая деятельность духа одинаково важна. Их единство соединяет дух с душой, духовность – с душевностью.

Если же мы обратимся к иронизирующему интеллекту и интеллекту пафосному, то увидим, что они неспособны к единению, а потому удивительно бездушны, бессердечны. Поэтому *иронизирующий интеллект просто бичует культуру, а пафосный интеллект фабрикует утопии.*

В тоталитарной культуре оба этих интеллекта вновь и вновь создают бесчеловечность строя, где человек подвергается душевной вивисекции, лишаясь глубоких свободных слов, переживаний и поступков.

Без таких слов, переживаний и поступков культура обречена на внеисторичность.

2015

ГУГЛ-МЫШЛЕНИЕ:
ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВИДА
«ХОМО САПИЕНС»?

Фрагменты книги

1

В последнее время мы сталкиваемся с показательным явлением, которое чаще и глубже всего проявляется в образовательной и научной деятельности.

Это *гугл-мышление*. Сущность его состоит в поиске информации в памяти по ключевым словам. Когда такой поиск осуществляется в Интернете и делает его соответствующее программное обеспечение, в этом нет ничего плохого. Но когда поисковой системой выступает человек, возникает проблема. И даже угроза.

Суть этой проблемы и этой угрозы – в утрате творческого мышления. Человек с планшетом-на-все-случаи-жизни становится придатком Интернета, хотя полагает, что именно Интернет есть его придатком.

Интернет превращается в бога-Отца, человек – в его преданного Сына, Гугл же – в *святого Духа*, соединяющего их.

Возникает новая религия Информации. Ее адепты ни при каких обстоятельствах не назовут ее религией, а себя – верующими. Они будут отрицать само присутствие веры в своей жизни, говоря о *знании* и *по-знании*. Однако в их жизни есть вера и доверие к Информации, скрывающейся и множасьейся в Интернете. Лишенные творчества, эти вера и доверие становятся суеверием, которое превращает познание в информирование, а знание – в информацию.

2

В чем принципиальное отличие знания и информации?

Информация – это отпечаток бытия в мышлении. Знание есть экзистенциально пережитая информация, пропущенная через духовные и душевные глубины личности. Знание – это *живое присутствие* бытия в мышлении. Становясь знанием, информация неизбежно пробуждает в личности творческий импульс, который меняет бытие.

Без такого импульса познание является лишь информированием – наивными наскальными рисунками бытия на поверхности мышления.

* * *

Информирование – это передача информации, так и не распакованной до уровня знания. Это порождает удивительное равнодушие, а порой жестокость человека, пропитанного поглощением и передачей информации.

Когда я информирую кого-то о чем-то я в большинстве случаев душевно отстранен и от кого-то, и от чего-то.

Когда же я познаю кого-то или что-то, я во-первых, совершаю духовное усилие, а, во-вторых, принимаю на себя ответственность за познанное, ибо сродняюсь с ним.

Познают всегда что-то или кого-то, информируют о ком-то или о чем-то. Это «о» говорит о внешнем характере информирования по отношению к личности.

Такой же внешний характер по отношению к личности имеет *информирование кого-то*, когда человек объективируется и становится конечным звеном в передаче информации.

Во все эпохи информирование требовало Другого, которому можно было передать нечто для увеличения своей выгоды, значимости или власти.

Любопытно, что гугл-мыслящий чаще всего информирует не кого-то, а *самого себя*. Он занимается само-информированием.

Самоинформирование – это стремление познавать без принятия на себя ответственности. Такое само-информирование с незапамятных времен известно в виде зубрежки. Но если ранее этот процесс чаще всего приносил страдание, то теперь от него начинают получать наслаждение. Он перестает ассоциироваться с зависимостью и воспринимается как свобода.

3

Еще ничего, если гугл-мыслящий человек знает свое место – воспринимает себя как переносчика информации. Но когда гугл-мыслящий подает себя как *источник знаний*, возникает опасность деформации культуры, когда информация в маске знания, сковывает и знание, и познание, и творчество.

Это означает ни много, ни мало – крах культуры, а затем и угасание цивилизации.

При этом не стоит отрицать, что информация и информирование – весьма важные аспекты присутствия человека в мире. Речь не идет о том, чтобы знание полностью заменило информацию, а познание – информирование. Если бы человек стремился впустить в себя знание *обо всем* в бытии, он бы стал жертвой экзистенциального взрыва.

Человеку, во всяком случае современному, невозможно принять в себя все многообразие бытия на уровне знания, нужно кое-что впускать и на уровне информации, с *необходимостью* заменяя познание информированием.

Однако есть сферы человеческого бытия, в том числе – сфера культуры, непередаваемые на уровне информации, а потому – недоступные информированию.

Информирование – процесс необходимый и полезный в технической, экономической и правовой областях – в сфере цивилизации, становится разрушительным в религии, философии, науке, искусстве – областях, составляющий острие культуры. Более того, технические, экономические и

правовые области в своем предельном бытии – в *точках развития* – нуждаются в переходе от информирования к познанию, от информации – к знанию.

Проблема гугл-мыслящего человека в том, что он в принципе не отличает знания от информации. И не может увидеть роковую черту, за которой информация и информирование не только не умножают познание и знание, но и разрушают их.

И вместе с тем разрушают культуру и самого человека.

5

Если одной разновидностью гугл-мыслящего есть человек с постоянно включенным смартфоном или планшетом, человек, не желающий загружать память, некий «Хомо планшетус», то существует и иной тип – вбирающий информацию в свою индивидуальную человеческую память и лишь время от времени припадающий к поиску в Интернете.

На первый взгляд кажется, что этот второй тип, свободный от ежеминутной работы по поиску информации в Интернете, более плодотворен. Однако это только иллюзия. Если человек

накапливает в памяти массивы информации, которая не переживается экзистенциально и не просветляется творчеством, и воспринимает усилие по удержанию информации в пределах психики как свое высшее личное достижение, он наполняется гордыней, делающей его невыносимым в общении с окружающими.

А этими окружающими могут оказаться как ближние, так и дальние – родители или дети, студенты или преподаватели, коллеги или партнеры...

6

Откуда пришел гугл-мыслящий – мыслящий исключительно поиском в готовом массиве информации? Был ли он порожден появлением Интернета и поисковых систем в нем? Или он был всегда, и в начале XXI века лишь обретает незначительную специфику и новое имя?

Вопросы непростые. Очевидно предположить, что мышление путем поиска информации, заключенной в личной памяти, было всегда. Это мышление-обращение-к-опыту и мышление-обращение-к-традиции. Это мышление *замкнутое на*

прошлое. Это мышление сводящее к прошлому настоящее, будущее и даже вечное. Во все времена были фарисеи, схоласты и, соответственно, инквизиторы.

Однако гугл-мыслящий *на основе личной памяти* в XXI веке примечателен тем, что глубина экзистенциального принятия традиции, *служения* традиции у него намного меньше. Он легко готов изменить традиции, когда это способствует его успеху.

Это избавляет его от фанатизма прежних времен, но может порождать *новый фанатизм* служителя религии Информации, тем более ревностный, что он позволяет ему преуспевать среди служителей иных религий.

7

Все сказанное, конечно, не означает, что мы должны отказаться от Интернета и поисковых систем в Интернете.

Но мы должны осознать ту грань, за которой постоянное использование поисковой машины делает человека поисковой машиной.

Мы должны осмыслить черту, за которой человек, растворенный в поиске информации, утрачивает способность *порождать* информацию и знания, а потому теряет возможность обладать концептуализирующим и философским интеллектом, превращаясь в голос, озвучивающий результаты информационного поиска.

8

Гугл-мыслящий – это тот, кого уже сейчас можно назвать постчеловеком.

В его бытии уже сегодня сбываются мечты и грезы трансгуманизма и постантропологии. Конечно, его телесность не изменена биотехнологиями и генной инженерией, но он уже сейчас радикально отличается от прежнего человека. Трансформированный информационными технологиями, гугл-мыслящий умеет упрощать знания до информации и использовать их так, что эти псевдознания с наименьшими душевными потерями позволяют ему получать безопасность и власть.

Однако гугл-мыслящий не обязательно стремится к безопасности и власти, пользуясь информацией как средством. Бывает, что его интересует *сама информация*, информация ради информации.

Это настоящая *информационная наркомания*. Ее субъект – наркоман информации – наслаждается ее потреблением, неважно извлекает ее из своей памяти или из недр Интернета.

Наслаждение информацией, пропускание ее через свое восприятие и сознание, тем острее, чем больше гугл-мыслящий освобождается от ответственности за поступки и отношения, лежащие за пределами информирования.

Еще одной любопытной чертой гугл-мыслящего есть отстранение от реальности пола, *гермафродитность*, унисекс, ничего общего не имеющие с *андрогинностью*, столь ярко описанной Платоном и углубленно пережитой Бердяевым.

Такая гермафродитность далеко не всегда отрицает сексуальность, только сексуальность эта становится болезненно *виртуальной*, а также болезненно *сублимативной*.

Гугл-мыслящий венчается с информацией, а информирование все больше заменяет ему сексуальность. Поиск в информационном океане Интернета, завершающийся находкой, превращается в сексуальный акт с его оргастической кульминацией. При этом неважно совершается этот поиск в пространстве порносайтов, сайтов недвижимости, компьютеров, смартфонов или бытовой техники.

Здесь мы имеем классический пример ситуации, когда мышление определяет бытие.

11

Итак имеем явление, которое могли бы с полной серьезностью назвать «Хомо гугл-сапиенс». Эта метафора вызывается самой жизнью, ибо в таких индивидах происходят достаточно глубокие изменения человеческой природы. И эти изменения происходят не только в мышлении, но и в бытии, в поступках и в отношениях.

Пока таких людей среди нас сравнительно мало – в сознании и бессознательном еще звучит эхо доинтернетной культуры и цивилизации, в которой творчество было высшей ценностью, еще полны сил те, кто видит в творчестве и сотворческом диалоге смысл существования.

Но гугл-мыслящих становится все больше.

Чем закончится встреча «Хомо сапиенс» и «Хомо гугл-сапиенс»?..

2016

ПУТЬ ИЗ ОДИНОЧЕСТВА:
ОСОЗНАНИЕ, ОСМЫСЛЕНИЕ,
ПОНИМАНИЕ

Метаантропология мышления

Проблема

1

Как связано одиночество с самим фактом мышления?

Не порождается ли одиночество, – в своих глубинных, внутренних формах, – тем, что человек начинает мыслить, отчуждая себя от других, с которыми ранее был соединен инстинктами и стереотипами, освобождаясь и платя за это тоской инаковости?

Если вопросы вызывают тревогу, на них отвечают молчанием или вопросами. Оставлю в стороне молчащих и постараюсь увидеть тех, кто задает вопросы. Не мистифицируете ли вы мышление? – спросят они. – Что вы, в конце концов, понимаете под мышлением?

Я дам максимально простое и широкое определение: мышление – это способность быть свободным. Или точнее: мышление есть способность обосновать свободу. Или еще глубже: *мышление – это способность начертить эскиз свободы и мужество следовать этому эскизу.*

Итак, мышление и свобода мышления в предлагаемой системе координат становятся почти тождественными понятиями. Если мышление не ведет к свободе, оно является иллюзией мышления. Если свобода не порождается мышлением, она разрушает саму себя.

Во все эпохи свобода мысли есть главное условие свободы бытия.

2

Я беру на себя смелость утверждать, что человек, стоящий в толпе и в экстазе повторяющий лозунги, человек с *подчеркнутой идентичностью и зачеркнутой критичностью*, не мыслит вообще. Он управляется биологическими и социальными инстинктами. В эти инстинкты вплетается *личная воля* человека из толпы, но она настолько зависит от воли харизматика на трибуне или на белом коне, что не пробуждает мышление.

Человек из толпы, вошедший в экстаз, – *харизматик-винтик солидарного механизма*, конечно, имеет сознание, этот лучик, обводящий предметы вокруг и стремящийся превратиться в испепеляющий луч лазера, когда устремлен на врагов, но у него *нет мышления*.

Мыслящий лозунгами, отрицает мышление. Лозунги, эти скрепы групп, корпораций и сообществ, не просто закрепощают, но и дробят мышление человека, перетирают его в муку, из которой авторитарные и тоталитарные лидеры выпекают магические хлеба своих режимов. Съевший такой хлеб, теряет свободу и память. За единство с другими мыслящий лозунгами платит растворением в других.

3

Означает ли сказанное, что любой по-настоящему мыслящий человек, до краев наполненный внутренней свободой, неизбежно обречен на одиночество?

Нет, не означает. Более того, именно человек из толпы, – и в спокойствии, и в состоянии экстаза, – на самом деле более одинок.

Постараюсь развернуть эти положения.

Для этого нужно будет прежде всего постичь, что сознание – необоримое, но *не достаточное* условие мышления.

И, главное, - нужно будет *впустить в себя* трансформации мышления – осознание, осмысление и понимание. Речь идет о метаморфозах мышления в обыденном, предельном и запредельном бытии человека – о *мета-антропологии мышления*.

Мы увидим как свободное движение мышления по ступеням бытия освобождает от одиночества.

1. Осознание как экзистенциальная распахнутость сознания

1

Сознание – это *фокус* внутренней жизни, примиряющий человека с жизнью внешней. Сознание совершает это, снимая напряженность противоречия внешней и внутренней жизни. Противоречие внешнего и внутреннего не исчезает, но оно сворачивается и отступает в глубину Я.

В результате человек начинает проще адаптироваться к требованиям внешней жизни.

2

Сознание помогает адаптироваться к внешней жизни, превращая внутреннюю жизнь в тонкий лучик, скользящий по поверхности предметов.

Этот лучик не просто освещает предметы, он *творит* их. Живая целостность реальности превращается в набор без-жизненных предметов и объектов, которыми нужно овладеть, чтобы выжить.

Страх не выжить уничтожает свободу. Он порождает заикленность на адаптации – успехе и одобрении, которые заменяют подлинную самореализацию, и до определенной черты могут порождать ощущение полноты жизни.

3

Но в экзистенциально напряженные, пограничные моменты, когда возникает реальная опасность для жизни и почва уходит из-под ног, успех и одобрение обнажают свою неполноценность. Необходима *распахнутость, уничтожение предметной направленности сознания* для того, чтобы оно возродилось в новом качестве.

4

Это новое качество – *о-сознание*. Осознание – это сознание в его экзистенциальной открытости. Экзистенциальная открытость сознания – особая внимательность к тому глубинному, что ранее ускользало. Поэтому ***осознание – это экзистенциальная внимательность сознания.***

Постараемся постичь это.

5

Чаще всего осознание рождается пограничной ситуацией. Возникает даже искушение назвать осознание сознанием в пограничной ситуации.

Однако это не всегда так. Порой осознание появляется лишь *после* пограничной ситуации. А иногда оно позволяет предотвратить пограничную ситуацию.

Тогда может быть так: ***осознание – это сознание вблизи пограничной ситуации?*** Да, действительно, сознание обостряет и углубляет свои способности, находясь рядом с пограничной ситуацией, когда ее грозовой запах достигает человека, порождая тревогу и освобождая сознание

от прикованности к предметам. Лишенное оков, сознание устремляется внутрь.

Но что происходит с сознанием, когда оно устремляется внутрь? Что значит освобождение от прикованности к предметам?

6

Внутри человека предметов нет. Там есть органы, мысли, желания, интуиции, но не предметы.

Предметы проникают внутрь человека извне – если он проглатывает инородное тело, получает пулю или пытается адаптироваться, направляя сознание на осколки бытия – *предметы сознания*.

Бытие разбивается на осколки-предметы из-за стремления к власти. Сознание пытается найти связь между предметами, вернуть бытию утраченную целостность, но на самом деле оно стремится *узаконить власть* над предметами, которая делает их *вещами*.

7

В осознании личность не отодвигает, а разрешает противоречие внешней и внутренней

жизни. Итогом этого становится обретение аутентичности.

Если благодаря сознанию человек получает возможность иметь, то осознание дает ему право быть.

8

Аутентичный человек – это человек, который системно осознает себя. Однако аутентичность может превратиться в *аутичность*, если осознание полностью заменяет сознание. Лишенный предметной рубрики бытия, человек оказывается в иллюзорной свободе и любви, ибо выпадает из внешнего мира – мира творимого сознанием-как-предметностью и властью-как-вещностью.

Предметы и вещи не должны заменять свободу и любовь, но в нашем мире – это необходимое условие реализации свободы и любви.

9

Результатом осознания есть *выход* из ситуации или состояния через обращение к себе. Как не парадоксально, именно это обращение и есть распахнутость бытия.

Попробуем принять осознание как экзистенциальную распахнутость бытия, порождающую выход из пограничных ситуаций и состояний.

Это вызывает ряд новых интересных вопросов.

О какой распахнутости идет речь? Это распахнутость *всей полноты и глубины* человеческого бытия или только одного из его измерений и уровней? И можно ли отождествить нестандартную ситуацию (состояние) с пограничной ситуацией (состоянием)?

Хотелось бы увидеть осознание распахнутостью человеческого бытия вообще. Но очень часто это всего лишь распахнутость обыденного бытия – ситуация в которой человек становится на грань *обыденного и предельного*, а затем опять возвращается в обыденное. И мировоззрение, которое порождается *чистым* осознанием, является просто констатацией мыслительных и ценностных установок, которые нужно принять.

Поэтому аутентичность, тождественность себе, способность *быть собой*, создаваемая *лишь осознанием*, достаточно узка, она существует на грани обыденного и предельного.

А человек, освоивший осознание на уровне качества, нуждается в иных мыслительных операциях, которые позволяют *быть* за пределом обыденности, более глубоко, *жизненно, а не ситуативно* выходить как в предельное, так и запредельное.

2. Осмысление как наполнение бытия смыслом

1

Если осознание себя и мира дает человеку право быть Собой, то что отрывает человеку возможность быть Иным?

Что превращает человека в личность, творческое существо, аутентичность которого становится притягательной и значимой для других?

Мы можем допустить, что это *осмысление* – следующий за осознанием этап развития мышления.

2

Если осознание ставит вопросы «Что?», «Кто?», «Как?» и дает ответы на них, то осмысление – это ответы на вопросы: «Почему?» и «Зачем?»

О-смысление – это вопрошание о *смысле* и ответы о смысле. Можно сказать, что вопросы и ответы о смысле и есть осмысление.

3

Дети определенного возраста, задающие множество вопросов, начинающихся с «Почему?» и «Зачем?», желают осмысливать внешний и внутренний мир, но, столкнувшись с неспособностью взрослых отвечать на них и с требованием *осознать* свои обязанности, уходят от о-смысления в стихию о-сознания. И лишь немногие из них впоследствии опять возвращаются к осмыслению, становясь художниками, учеными и философами.

Отсюда мы можем предположить, что *именно осмысление – условие создания мира культуры* и оно изначально дано каждому из нас, но не у всех хватает мужества сохранить его и воли им воспользоваться.

4

Но какие волевые импульсы стимулируют осмысление, *включают* его? Это, конечно, воля к власти, выходящая на определенный уровень, и воля

к познанию и творчеству – воли предельного бытия человека. В отличие от этого, для включения осознания достаточно воли к самосохранению и продлению рода – импульсов обыденного бытия человека.

Здесь мы можем предположить, что *качественно различные* проявления воли не только створяют экзистенциальные измерения человеческого бытия, но и *способы мышления* в них.

Способы же мышления, соединившись с волевыми импульсами, становятся качествами, превращающими *измерение* в *мир* человека, точнее, разные *измерения* в разные *миры*.

5

Осмысление, как доминирующий в предельном бытии человека процесс вопросов и ответов о смысле и смыслах, неизбежно порождает самостоятельное, критическое, творческое – личностное – мировоззрение. Это мировоззрение часто делает человека бунтарем и разрушителем привычного мира и мировоззрения обыденности. А потому оно делает его одиноким, пусть и творческим скитальцем.

Но человек личностного мировоззрения практически не осознает его присутствия и не

осмысливает его пределы. Стихия осознания и осмысления человека с личностным мировоззрением постигает что угодно, но только не то мировоззрение, которое сама же и вызывает к жизни.

Для того, чтобы увидеть собственное мировоззрение нужна иная стихия – *понимание*. И эта стихия не просто делает *видимым* личностное мировоззрение для его носителя, она меняет его на *философское мировоззрение*, и уже с этих позиций становятся оче-видными возможности и пределы как обыденного, так и личностного мировоззрения.

3. Понимание как со-бытие

1

Понимание может быть достаточно простой реальностью бытия человека – как схватывание *специфики* ситуаций и выбор *стереотипа* поведения в них. Такое понимание не нуждается не только в осмыслении, но и в осознании.

Однако есть понимание *ситуации* и есть Понимание *Другого*. Они отличаются так же как горка песка на детской площадке и Эверест.

Понимание Другого требует включения всех ресурсов осознания и осмысления. Это Понимание с большой буквы. Оно является фактом запредельного бытия человека и включается таким могуществом воли к свободе и любви, которое содержит в концентрированном виде все предшествующие порывы воли в обыденном и предельном бытии.

2

Понимание с большой буквы возникает в бытии человека тогда, когда он обретает способность перейти от осознания и осмысления *Себя* к осознанию и осмыслению Другого. Подлинное Понимание – это переход от *своего* мира к *иному* миру – миру Другого.

Однако в Понимании не происходит абстрактное жертвенное отрицание себя и своего мира. Понимание и как *ситуация*, и как *состояние*, и как *качество* означает всеполноту осознания и осмысления, направленных и на себя, и на Другого.

При этом Другой принимается как равноправный носитель актов осознания и осмысления, порождающих его *выходы* и *смыслы*.

3

Итак, если результатом осознания есть *выход* из ситуации или состояния, а результатом осмысления – постижение их *смысла* – как ситуации или состояния, *так и* выхода за их пределы, то Понимание сплавляет экзистенциальный опыт выходов и смыслов в целостность, которую мы можем называть *философским мировоззрением*.

Эта целостность, открывающая и разворачивающая мир запредельного бытия во многом рождается принятием Другого как «Ты», достойного Понимания и Уважения не только за его достижения, но и за его возможности.

Понимание есть такая открытость Другому, которая о-пределяет и умиряет хаос моего внутреннего мира, прочерчивает его пределы и одновременно делает эти пределы проницаемыми и преодолимыми.

4

Понимание, таким образом, есть *со-бытие* как бытие-с-Другим.

Здесь границы мышления и бытия начинают стираться. И точно так же, как осознание порождает

видение выхода и действие, а осмысление – *постижение смысла и творчество*, точно так же Понимание порождает *целостность мировоззрения и со-творчество*.

То сотворчество, которое побеждает одиночество и отчуждение людей как постоянно мыслящих существ.

2017

СВОИ И ЧУЖИЕ

Взгляд в бездну ксенофобии: смыслы Чужого Завета

1

Скажи, кто для тебя Свой, и я скажу, *кто Ты*.

Скажи, кто для тебя Чужой, и я скажу, *сколько Тебе осталось*.

Действительно, именно нахождение Своего как Ближнего и Друга делает нас собой, выводит из возможности в реальность.

И, наоборот, тот кого мы назначаем Чужим, рано или поздно станет врагом. И, став врагом, будет разрушать нас если не снаружи, то *изнутри*. Множество народов, культур и личностей поразили себя образом врага, который сами создали.

2

Любопытно, что в мифологии Толкиена превращение Саурона в Чужого и Всеобщего Врага, борьба и победа над ним в конечном счете приводят к уничтожению Средиземья как *магического* мира...

3

В обыденном бытии человек настроен на поиск Своих и душевное единство с ними.

В предельном бытии, где бушуют воля к власти и воля к познанию и творчеству, все становятся Чужими – конкурентами, стоящими между мной и Властью, мной и Славой, мной и Истиной... Поэтому в предельном бытии постоянно ведется пресловутая война «всех против всех».

В запредельном бытии, в котором разворачивается воля к со-творчеству, делающая вдохновение естественным и безграничным, Чужой становится *Другим*. А затем и Другом. У нас появляется возможность не проводить жизнь на войне с короткими душевными передышками в родовом пространстве дома-тыла, а войти в состояние *действительного примирения*.

И тогда жизнь становится удивительным приключением с Друзьями в том мире, где есть Неизведанные, Незнакомые, Новые, но нет Чужих...

4

Однако проблема в том, что в жизни современного человека почти нет места

запредельному как *пониманию* и *сотворчеству*. Люди качаются на чудовищных качелях от инфантильной душевности обыденности к физическим и информационным битвам предельного бытия, участие в которых называют духовностью.

Бытие-на-войне с враждебными Чужими становится доблестью и нормой. Это калечит судьбы миллионов людей во всем мире.

С середины XX века бытие-на-войне было приглушено появлением оружия массового поражения.

Но висевшее на стене атомное ружье так и не выстрелило по-настоящему и постепенно все больше стало восприниматься как миф. И человек сначала осторожно, а затем все неистовее начинает испытывать полноту жизни, находя новые пространства войны с Чужими.

5

В контексте сказанного важно проанализировать мифологию Чужих, представленную Голливудом в целом ряде фильмов и завершенную на сегодняшний день творением Ридли Скотта «Чужой: завет».

Поверхностный смысловой пласт этой мифологии: Чужие – существа, искусственно созданные для уничтожения целых народов и рас. После встречи с ними война на уничтожение неизбежна.

Более глубокий пласт: человек является Чужим по отношению к лучшему в себе и в других, а потому уязвим для нападения Чужого извне. Более того, он притягивает к себе этого Чужого.

Тот убивает или зародышем проникает внутрь. И тогда внешне Свой становится на самом деле Чужим, и в нужное время этот Чужой выходит вовне, уничтожая все на своем пути... Причем не только при жизни, но и после смерти: его кровь – это кислота, которая разъедает любые тела и материалы. Это главный ужас, *ужас ужасов* мифологии Чужих: *Свой в Любой момент может оказаться Чужим*. При этом еще ужаснее, что он был *лишь оболочкой* Чужого.

Итак, имеем еще более глубокий символический пласт: человек, ставший Чужим себе, с неизбежностью станет Чужим по отношению к Своим. Внешне в голливудской мифологии Чужих это выражается в биологической трансформации, но самый поверхностный зритель интуитивно ощущает,

что дело здесь не только в биологической трансформации...

В этом тайна магнетизма мифологии Чужих.

6

Может ли Созданный воспринять Создателя как Чужого?

В новом фильме мифологии Чужих, имеющим поразительное название «Чужой: завет» (двоеточие уходит и невольно возникает ассоциация с Ветхим и Новым Заветом) есть ответ на этот вопрос.

И этот ответ «Да».

В моей новелле «Железная Дева» Создатель женщины-андроида тоже воспринимается ею как Чужой. Но Железная Дева не переносит это на весь человеческий род. Она принимает Гуманиста как Своего и вступает с ним в жизненное сотворчество. Тогда как андроид из «Чужого завета» утрачивает связь со всем человечеством, воспринимая его как врага и конкурента.

Он – представитель новой расы и его переполняет презрительная ксенофобия к своим несовершенным создателям. Они становятся все более чужими, и он напускает на них *других* Чужих, монстров, которые стали для него Своими.

Ибо предсказуемы, в отличие от непредсказуемых людей. Ужасные Чужие с кислотой вместо крови, настроенные убивать, подчиняются программе. Люди наполнены свободой и постоянно нарушают программы.

Это глубинно пугает и тревожит андроида Дэвида, пророка «Чужого завета». И люди становятся Чужими для него.

7

Есть две формы превращения Своих в Чужих.

Первая: Свои отвергают тебя. Вторая: ты отвергаешь Своих. Вторая форма более опасна, ибо предполагает более глубокую жалость к себе и предельную ксенофобию.

Однако именно вторая форма в правильных дозах и качествах способна трансформировать то, что должно быть трансформировано. Критерий правильности дозы и качества изменения прост: отсутствие ксенофобии. Когда я отвергаю Своих от любви, а не от ненависти или страха, я даю им импульс к просветлению.

Андроид из «Чужого завета» отвергает Своих от презрения. И бездна ксенофобии смыкается над ним, делая монстром.

8

Ксенофобия – одна из печальных причин превращения человека в Чужого себе. Оторванный от своих духовных и душевных глубин, он становится управляемым. Этим пользуются создатели тоталитарных режимов всех времен и народов.

Когда в наших жилах течет кислота ксенофобии, мир меняется. Он наполнен Чужими, которые при незначительном усилии воображения становятся монстрами.

Окружающие повсюду угрожают нам, и мы должны поскорее предупредить нападение.

На самом деле монстром становится изначальный носитель ксенофобии. Монстр вызревает в нем, чтобы наконец вырваться наружу, разрывая оболочку человечности.

9

Ксенофобия всегда бездна. За определенной чертой она становится всепоглощающей. И бездна эта рождается жалостью к себе, которая в свою очередь порождает ужас и ненависть.

В голливудской мифологии Чужих эти ужас и ненависть выражаются в образах паука, прыгающего

на лицо и впрыскивающего инородный генетический код, и хвостатого людоеда, детеныш которого выходит из человеческого тела, как бабочка из куколки.

А жалость к себе – это чудовищная Мать Чужих, матка откладывающая яйца ужаса и ненависти.

Во второй части мифологии Чужих лейтенант Рипли – ее неподражаемо играет Сигурни Уивер – сражается с этим чудовищем. Матка превосходит остальных Чужих и размерами, и интеллектом, но Рипли, движимая гневом, а не ненавистью, выбрасывает ее в ледяную бездну Космоса.

Лишь бездна Космоса может поглотить бездну жалости к себе и ксенофобию как ее детище.

10

Выйдем за пределы мифологии Чужих и вернемся из Космоса на Землю к современным людям. Итак, люди против людей и никаких посторонних монстров.

Если ксенофоб не обладает могуществом, то непосредственно проявляет агрессию к Другому, превращая его в Чужого и Врага. Если ксенофоб

могущественен, он создает человеко-орудия, которые будут проявлять агрессию по его указанию.

Выпущенная вовне агрессия ксенофоба, стоящего в рядах Своих, дарует ему экстаз. Но за этот экстаз нужно платить.

Агрессия рано или поздно возвращается. Она приходит извне в неожиданных и ужасных, *действительно чужих* формах.

Столкнувшись с внутренней агрессией, она разрывает ксенофоба.

Чужой пожирает себя.

Поэтому лучше остаться Человеком.

2017

ВОЖДЬ И ШАМАН
КАК АРХЕТИПЫ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ:
ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Метаантропологический анализ

Фрагменты книги

1

В любом архаическом обществе мы найдем фигуры вождя и шамана. Используя язык метаантропологии, мы можем назвать их людьми предельного и запредельного бытия, которым противостоит обыденное большинство племени.

Вождь организует социальное пространство, поддерживает его структуры и обеспечивает экспансию, шаман дает этому имена и при-дает смыслы, *запуская социальное время* – побуждает общество развиваться, чтобы не застрять в прошлом.

Вокруг вождя складывается группа, состоящая из людей, способных входить в пограничные состояния *политического и боевого экстаза*; эта группа становится его дружиной или, выражаясь современным языком, – партией.

Вокруг шамана собираются люди, способные переживать *запредельные состояния* – состояния инсайта и катарсиса, требующие *когнитивного и креативного транса*.

2

Вождь – еще эхо животного царства с его вожаками стад и стай, появление шамана означает начало собственно человеческого бытия.

Шаман – это тот, кто придает смысл деятельности вождя и всех членов племени. Шаман не просто *оправдывает* то, что свершается людьми, он *направляет* их. Стратегичность в решениях вождя, которая передается племени, делая жизнь определенной и устремленной, задается именно шаманом.

Именно это делает фигуры вождя и шамана архетипическими для всего человеческого бытия – даже тогда, когда первобытный строй остается в далеком прошлом. Справедливо это и для XXI века. При этом очевидно, что шаман сегодня – это не просто политтехнолог, способный за деньги привести к победе на выборах, и даже не просто ученый-практик или влиятельный философ-публицист, обслуживающие вождя и его окружение.

Шаман – это человек, следующий зову свободы, звучащему из запредельного. И если он изменяет этому зову, то перестает быть шаманом...

3

Шаман не просто способен развернуть свои духовные практики на сообщество, он всегда делает это, оставаясь целеполагающим субъектом. В большинстве случаев не вождь управляет шаманом, а шаман – вождем. Во всяком случае, шаман полагает цели сам. Но это особенное целе-полагание, оно основано не на жажде власти, а на *смысло-полагании* – жажде смыслов и их творения.

Как *субъект смыслов* шаман влияет и на вождя, и на все сообщество – будь-то родовая община, корпорация, страна или союз стран.

4

Но что означает придание чему-то смысла или, как говорят, наполнение смыслом? Это процесс осознанного выхода за пределы наличного и повседневного, ставших обыденностью.

Главной характеристикой обыденности есть суета и забота, лишённые смысла. Обыденность – это омертвевшая корочка бытия, где уже нет смысла.

В той мере, в которой мы придаем чему-то смысл, мы всегда ломаем пределы обыденного. Таким образом, придание смысла, наполнение смыслом – это во многом синоним трансцендирования – выхода за свои пределы в запределное.

Итак, шаман сотворяет смыслы и внедряет их в сознательное и бессознательное членов сообщества, заставляя всех не просто двигаться-стареть во времени, но и изменяться во времени душевно и духовно, что означает побеждать старость как человека, так и культуры и прикасаться к Вечности.

Шаман сотворяет-внедряет смыслы через *завораживание* вождя и сообщества – он *вовремя* запускает в своих текстах фейерверки инсайтов и катарсических состояний. Поэтому шаман не просто творец смыслов; он творец *своевременных смыслов*, которые изложены завораживающим языком и увлекают за пределы обыденности.

5

В идеале шаман вдохновляет окружающих, пробуждая у них творческое воображение и инициируя на осмысленное творческое действие. А значит, шамана можно еще определить как вдохновителя сообщества.

Способность вдохновлять – главная тайна шамана.

6

Глубинное отличие вождя от шамана в том, что первый способен *стимулировать*, а второй – *мотивировать*.

Стимуляция – это всегда кнут и пряник в руках человека власти. Мотивация – воплощение способности вдохновляться и вдохновлять в сердце человека познания и творчества.

Стимул всегда находится вовне, мотив действует в глубине личности. Поэтому вождь склонен объективировать и деперсонализировать окружающих, шаман вольно или невольно персонализирует их.

Стремление вождя к абсолютной власти, предполагающей деперсонализацию и абсолютное

подчинение, натывается на необходимость персонализации не только себя, но и определенного количества членов племени, способных к осмысленной жизни *под воздействием мотивов, а не стимулов.*

Это заставляет вождя терпеть шаманов.

7

Чем мудрее вождь, тем больше он способен не просто терпеть, а *понимать шамана.* Стихия шаманического перестает быть внешней по отношению к нему, он сродняется с шаманом.

Но к туго натянутой нити понимания вождем шамана вновь и вновь приближается отточенный нож воли к власти...

8

И вождь, и шаман всегда взаимодействуют с обыденным большинством сообщества. Но если вождю и его дружине обыденное большинство нужно как *материал и инструмент* для увеличения власти, то шаман со своими учениками осознанно или бессознательно вводит обыденное большинство в предельные и запредельные *состояния,* которые

поднимают над обыденностью и зовут в новое *бытие*.

Это задает глубинное противоречие в отношениях шамана и вождя. С одной стороны, они глубинно нуждаются друг в друге, с другой стороны, – отрицают друг друга...

9

Разрешая противоречие с шаманом, вождь может пытаться лишить его свободы, включить в свою дружину, сделать *своим* идеологом. Но это уничтожает в шамане *потенцию шамана*, духовно кастрируя и вождя, и все сообщество.

Столь же деструктивной является попытка шамана абсолютно контролировать вождя, подчинить своей духовной власти.

Вождь и шаман должны быть свободными партнерами – это условие плодотворного развития любого сообщества.

10

В своих высших предельных проявлениях вождь становится героем, а шаман наполняется гениальностью.

Причем эти предельные проявления могут длиться годами – выступать не просто *ситуациями* и даже не просто *состояниями*, а *бытием*.

При этом если вождь способен инициировать свое окружение на героизм, то мы вправе назвать его *героем героев*, а шамана, вдохновляющего на креативность с чертами гениальности – *гением гениев*. Однако история показывает, что такое нарастание-инициирование героизма и гениальности далеко не всегда бывает конструктивным и долговременным...

Поэтому запредельное бытие вождя и шамана, намекающее на нечто сверхчеловеческое, – всегда выплескивается за границы и вождя, и шамана. И, одновременно, требует всего лучшего, что есть у вождя и шамана.

Даже в героических и гениальных действиях вождя и шамана и в способности вызывать эти действия у других еще недостаточно того, что позволило бы назвать их сверхчеловеческими... И вождь, и шаман находятся еще в пределах «человеческого, слишком человеческого»...

Очевидна эволюция вождя к князю, царю, императору, президенту транснациональной корпорации, президенту страны или президенту клуба, в который входят президенты транснациональных корпораций и стран.

Эволюция шамана сложнее; она предполагает движение от архаического шамана не только к жрецу и священнику разных иерархий, но и к ученому, психоаналитику, публицисту, художнику и писателю.

Также очевидно, что не каждый президент поднимается до архетипа вождя и не каждый художник соединяется с архетипом шамана. Оставляя в стороне вождей-фюреров тоталитарных режимов XX века, мы можем допустить, что с архетипом вождя соединились, например, Александр Македонский, Чингиз-хан, Авраам Линкольн и Шарль де Голь, а с архетипом шамана – Бенджамин Франклин, Федор Достоевский, Фридрих Ницше, Франц фон Штук, Сальвадор Дали и Герман Гессе...

Можно ли назвать вождя *человеком скуки*, скользящего по поверхности жизни и пытающегося властвовать над этой поверхностью, а шамана – *человеком тоски*, проникающего в глубину жизни до последних пределов и выходящего за них?

И да, и нет. Шаман, действительно, человек тоски, а вождь может быть как человеком скуки, властелином, так и движимым *тоской по запредельному* культурным героем.

Проблема лишь в том, что у шамана могут появляться нотки скуки, деструктивно смешиваясь с тоской, а среди вождей достаточно мало было людей тоски, которые могли бы смотреть за пределы ценности и смысла власти. При этом были вожди, соединившие тоску и скуку, и доходящие до состояний демонического властелина и пытавшиеся полностью подчинить себе шамана и даже поглотить его сущность.

Об этом мы поговорим дальше, а пока осознаем роль страха и ужаса в бытии вождя и шамана.

И вождь, и шаман пользуются страхом окружающих. Но если страх, вызываемый вождем – это страх за жизнь и карьеру, то страх перед шаманом часто приобретает предельные формы и становится ужасом.

Ибо шаман делает инъекцию смыслов, которые выводят из обыденности в предельное и запредельное. Ужас тут необходим для того, чтобы оторваться от обыденности. Однако подлинный шаман – шаман, следующий своему архетипу, – никогда не будет упиваться ужасом окружающих и делать из него орудие власти – своей или вождя.

Идя по этому пути, человек будет так же напоминать шамана, как падение напоминает полет.

Тут уместно осознать как темный, так и светлый путь вождя и шамана.

Первый – это путь абсолютизации манипулирования и власти человека предельного бытия над обыденным, их глубинная зависимость и замкнутость друг на друга.

Второй – это путь освобождения из круговорота обыденного и предельного в запредельное, где ужас побеждается любовью, а власть – свободой.

15

У вождя *почти* всегда есть тайная зависть к шаману. Пытаясь утолить ее, он может идти четырьмя путями.

Первый – превратить шамана в идеолога. Второй – сделать из него шута. Третий – назвать чудовищем. И, наконец, четвертый – *самому стать шаманом*. Или хотя бы *объявить* себя шаманом устами придворных.

В тоталитарных обществах XX века мы видим явные примеры этого: вожди являются на трибуны в масках шаманов. Они претендуют на создание высших смыслов и их воплощение в народном сознании и бессознательном. Вождям тоталитарных режимов недостаточно чувствовать себя кшатриями, им хочется быть брахманами.

Таковы фигуры Ленина, Сталина, Гитлера, Мао. Это не просто вожди, это шаманы, способные *завораживать народы*, пробуждая у них фанатическое следование цели.

Вожди-шаманы приносят своим народам огромные страдания и уходят из театра истории, хлопнув дверью, – порой драматически, но чаще трагически.

В авторитарных обществах объединение шамана и вождя в одной личности, как правило, не происходит. Там мы наблюдаем их разделение. Но и здесь возможно исключение: Фидель Кастро был вождем и шаманом одновременно. Однако его шаманство не выплеснуло кубинский народ за пределы острова; авторитаризм так и не стал тоталитаризмом.

16

Выше было сказано, что зависть вождя к шаману может искушать превратить шамана в подвластного идеолога, а если это не удастся, обозначить его как шута или чудовище. Так часто бывает в тоталитарных и авторитарных социумах – унижая шамана, вождь присваивает его роль.

Самое интересное то, что в демократических обществах наблюдаем иную картину: *шуты и шоумены пытаются стать шаманами*, заворожив толпу окончательным пониманием и разоблачением

больших и маленьких вождей, больших и маленьких *враждебных народов*.

На этом пути за некой роковой чертой они все больше могут превращаться в чудовищ. *Почти* комический публицист доктор Геббельс все больше становился чудовищем по мере того, как Германия утрачивала черты демократии.

17

Интересна и важна специфика мужчины и женщины в бытии вождя и шамана.

Нам легко представить мужчину-вождя, которого окружает сонм сексуально и душевно вдохновляющих его женщин. При этом мужчина-вождь естественно видится нам максимально мужественным в *поступках* и маскулинным в своем *телесном облике*.

А вот возможна ли женщина-вождь? Исторические примеры, подобные Жанне Д'Арк, заставляют ответить на этот вопрос утвердительно. При этом мы должны признать, что женщина-вождь, если она действительно *является вождем*, а не фигурой на троне, не просто становится мужественной, но и маскулинизируется – и в

поведении, и в сексуальности. Женщина как вождь уже не женщина.

Личности женственной Клеопатры и любвеобильной Екатерины Второй только подтверждают правило – рядом с ними всегда были мужчины, которые поддерживали трон. Вспомним Антония и Потемкина. Вспомним также, что до Екатерины Второй был Первый...

18

С ролью и бытием шамана иначе. Шаман и шаманка – не просто два разных имени одного и того же. Это *два разных способа быть*. Само наличие в языке слова «шаманка» намекает на это.

Шаман вступает в контакт с запредельным, вынося оттуда высшие смыслы, шаманка душевно смягчает их и делает доступными для сообщества.

Однако шаманка сама способна выходить в запредельное. Она выносит из запредельного *ценности*. Те высшие ценности, которые необходимы для принятия высших смыслов и вживания в них. Ведь лишь в единстве смыслов и ценностей человек способен действительно принимать их. Смыслы как факт духовности и ценности как проявление душевности нуждаются

друг в друге как мужчина и женщина. Лишь их соединение рождает *духовные ценности* и *одушевленные смыслы*. Без этого любые смыслы и ценности становятся ядом для человека и человечества.

При этом шаманка способна еще и вдохновлять мужчину-шамана, поднимая ему обвисшие крылья, нужные для полетов в запредельное, – если им посчастливилось составить сотворческую пару...

19

Какие могут быть гендерные вариации в паре «вождь – шаман»?

Предыдущие размышления побуждают нас допустить в качестве наиболее типичного случая мужчину-вождя рядом с женщиной-шаманом. Возможно соединение мужчины-вождя с женщиной-шаманкой.

Мы можем увидеть женщину-вождя рядом с женщиной-шаманкой. Вероятно гораздо реже бывает ее союз с мужчиной-шаманом.

Однополые союзы вождя и шамана более типичны в истории. Но что является более плодотворным? Ответ остается открытым.

Можно предположить, что разнополюсные союзы вождя и шамана необходимы для критических и кризисных времен. Ибо разнополюсные вождь и шаман (шаманка) способны инициировать друг друга на обретение противоположного качества и на большую универсальность, без которой невозможно выжить в кризисном мире.

Вероятно, отсутствие таких разнополюсных союзов вождей и шаманов у тех или иных народов приводило к уничтожению и деградации этих народов, например, к утрате государственности...

20

Вождь и шаман могут иметь не только высшие социальные проявления, возглавляя и направляя сообщества. Они могут проявляться и у людей предельного бытия, не поднявшихся на вершины социальных пирамид.

Те в нашем мире, кто выходит за пределы обыденности, могут идти по пути вождя и пути шамана – по пути *воли к власти* и пути *воли к познанию и творчеству*.

В контексте экзистенциально-психологической совместимости мужчин и женщин, мы можем сказать, что соединение мужчины-вождя и

женщины-вождя вряд ли будет продуктивным; естественно предположить бесконечную борьбу за власть и одиночество вдвоем.

Мужчина-вождь и женщина-шаманка могут составить весьма продуктивную пару, обмениваясь духовными и душевными возможностями, а не только сексуальными энергиями.

Женщина-вождь и мужчина-шаман до определенной черты могут составлять устойчивый союз, но в современной культуре, более того, в *современном бытии человека*, он является достаточно неестественным; этот союз будет плодотворным, если удастся предотвратить нарастание доминанты маскулинности женщины и феминности мужчины.

И, наконец, женщина-шаманка и мужчина-шаман могут составить весьма продуктивную сотворческую пару, где женщина будет осваивать ценности, а мужчина – смыслы; их совместное соединение в *целостность* идей способно дать обществу новые духовные ориентиры, за которые общество готово будет очень хорошо платить. Важно только найти артефакты, в которых будет воплощаться сотворчество шамана и шаманки...

Можем ли мы назвать вождя и шамана *архетипами мужественности* в человеческом бытии?

Искушение ответить «Да» велико. Быть вождем или шаманом означает проявить предельное мужество перед лицом своего племени-нации-корпорации и внешнего мира.

Но это все же *не совсем* так. Уже то, что мы наблюдаем факт женщины-вождя и, главное, шаманки как носительницы ценностей и вдохновительницы как вождя, так и мужчины-шамана, заставляет говорить о проявлении в этих архетипах женственности в разных ипостасях и на разных уровнях.

Поэтому вождя и шамана стоит называть архетипами *как мужественности, так и женственности* – архетипами человеческого в самом универсальном смысле – *андро-гинными архетипами*.

Итак, мы можем сделать три важных вывода.

1. Вождь и шаман – это архетипы личностного бытия, пронизывающие тысячелетия и, не зависящие от биологического пола личности.

2. Потенциалом вождя или шамана обладает достаточное количество людей, вышедших за пределы обыденности в предельное бытие.

3. Вождь и шаман могут присутствовать в одной личности. Во всяком случае мы можем констатировать, что некоторые личности вида «Хомо сапиенс» стремятся быть и вождем, и шаманом, имея устойчивую волю к такому соединению. Отсюда мы можем предположить, что личности нашего вида потенциально способны *быть* и вождем, и шаманом одновременно.

Выше мы увидели, насколько деструктивно это бывает. Возможно ли конструктивное соединение вождя и шамана во внутреннем мире человека – причем не только как ролей, но и как *предназначений*?

Очевидно предположить, что для человека обыденного бытия, наполненного лишь волей к самосохранению и продлению рода, *недостижимо* ни одно из этих предназначений. А потому *недостижимо*. И когда обыденный человек силою обстоятельств вынужден надеть маску вождя или шамана, это выглядит смешно и жалко. И когда

появляется возможность сбросить эти маски, обыденный человек побыстрей делает это, избавляясь от трагикомической участи.

Принятие в себя вождя и шамана *даже на уровне ролей и масок* требует *особого* мужества. Это мужество появляется в предельном бытии, но часто имеет разрушительные и поистине чудовищные формы. Причем чудовищность этих форм рождается желанием соединить в себе вождя и шамана, которое рано или поздно является в предельном бытии.

Соединение вождя и шамана в пространстве предельного бытия может идти двумя путями. Если в предельное бытие человека выбрасывает воля к власти, действующая, словно катапульта, он стремится надеть сверху на лицо вождя еще и маску шамана. Когда же человека изначально движет воля к познанию и творчеству, он наоборот, на лицо шамана натягивает маску вождя...

Соединение, сращивание масок вождя и шамана в предельном бытии человека глубоко закономерно и чаще всего глубоко разрушительно.

При этом мы можем допустить, что человека в этом случае движет нечто большее, чем воля к абсолютной власти, это еще и воля к *сверхчеловеческой целостности*, в которой соединяются героизм вождя и гениальность шамана.

Конструктивность этой воли в пространстве человеческого бытия, вероятно, во многом задается служением женщины-шаманки, предлагающей высшие ценности миру мужчин и одушевляющей высшие смыслы.

Двигаясь по пути этой воли, человек покидает лабиринт предельного бытия и выходит в запредельное, в котором эгоцентрическое творчество вождя и шамана и их конфликт в личности и отношениях между личностями становятся *сотворчеством*.

23

Воля к сверхчеловеческой целостности, в которой соединено бытие вождя и шамана, охватывает все времена и народы без исключения. Она не делает различий ни в возрасте, ни в поле.

Но кто способен конструктивно вместить в свою личность такую целостность? Мы можем предположить единство вождя и шамана в философе – уже потому, что он способен подняться в осознании над каждым из них, встать на мета-позицию. Философ способен подниматься мыслью над вождем и шаманом и в то же время *быть* только шаманом –

как это случилось с Ницше, а порой превращаться в вождя – как это произошло с Марксом...

Может ли философ соединить вождя и шамана не только в мышлении, но и в бытии? Доступна ли философу такая сверхчеловеческая целостность?

Может подобную целостность способна вместить лишь *сотворческая пара философов*, единая не только духовно, но и душевно, и телесно – андрогинная пара мужчины и женщины, в которой любовь к мудрости едина с любовью эротической?

И если да, то означает ли это запредельное изменение бытия и вождя, и шамана, более того, *всего человеческого бытия*?

Эти вопросы еще ждут своих ответов...

2017

МЕТАФИЗИКА КРАСНОГО ЦВЕТА

1

Красный цвет, казалось бы, лишен тайны. Он весь на поверхности, в физике мира. Красная кровь, красное закатное солнце, красные флаги фашизма и коммунизма...

Однако в красном цвете есть своя тайна, своя мета-физика. Это прежде всего *метафизика власти*. В свете этой метафизики красная кровь становится не просто жидкостью жизни; это кровь, покидающая рану на поле боя, и кровь, говорящая о несостоявшейся беременности и новой жизни, которая со временем могла бы овладеть миром.

2

Завораживающе-метафизический характер красного цвета во многом определяется тем, что архаические народы отождествляли кровь с душой. Для них вытекающая кровь – это уход души из физики мира.

Это представление архетипически укоренено в бессознательном современного человека. Оно

порождает тревогу даже тогда, когда аккуратные девушки в белых халатах после точного и быстрого укола специальной иглы в палец берут красную жидкость на анализ...

И для внимательного наблюдателя эта тревога достаточно метафизична.

3

Здесь мы подходим к грани, отделяющей физику от метафизики. Метафизическим будет все то, что соприкасаясь с бездной смерти, молит о бессмертии.

Такое определение порождает интересные вопросы. Метафизична сама человеческая *жизнь* по сути или наши *вопросы* о сути человеческой жизни? Иными словами, мы должны говорить о метафизических вопросах жизни или метафизических *измерениях* жизни? С точки зрения идеализма и персонализма метафизические вопросы возможны лишь потому, что существуют метафизические измерения; материализм делает метафизику исключительно продуктом нашего сознания или, в лучшем случае, тем, что в своем эволюционном развитии выходит за пределы

физического как неживого – это жизнь, разум и социальность, основанная на жизни и разуме.

Однако каждому из нас в глубине души дано, что метафизическое – это не только иллюзия сознания или *любое* присутствие человека в мире по сравнению с присутствием животного, растения или камня. Из глубины нашего существования нам открывается, что метафизическое – это нечто, наполненное тайной или намекающее на тайну; а значит, в любом метафизическом есть мистическое.

Какую тайну мы можем найти в красном цвете помимо тайны власти и смерти? Это тайна *жизни* и смерти, а также смерти и *любви*.

4

Тайна жизни и смерти ассоциативно увязывается с красным закатным солнцем, которому суждено исчезнуть за горизонтом и завтра возродиться вновь.

Тайна смерти и любви, побеждающей смерть не просто в количестве воплощений, но и в *качестве присутствия в Вечности*, архетипически выражена в образе красной розы. Ее цвет намекает на будущее кровное родство в детях и внуках, а тугая объемность

лепестков – на многообразии и напряженность духовно-душевного родства.

5

Образы красного закатного солнца и красной розы банальны в повседневности, но приобретают глубинный и ясный смысл в предельных ситуациях, когда конечность человеческой жизни снимает маску и внимательно заглядывает в глаза...

6

Интересно, что цепочка предельных ситуаций народов, живущих на берегах Днепра, перешедшая в *бытие на пределе* в течение столетий, порождает метафору «Красно Солнышко», дарованную одному из любимых князей. Это же одна из причин, почему много столетий спустя потомки этих народов, поддавшись бессознательному порыву, предпочли красный, а не белый цвет...

Белая армия была обречена уже потому, что ее идеологи выбрали не тот цвет...

7

Связь красного и безоговорочной, абсолютной власти над телами, жизнями, отношениями, словами и даже мыслями мы встречаем в двух тоталитарных режимах XX века – фашизме и коммунизме.

Красному флагу с серпом и молотом противостоит такой же красный флаг с белым кругом и свастикой внутри него. Любопытно, что советские люди послевоенных поколений оставались в неведении о красном цвете фашистского знамени – документальные хроники были черно-белыми, а красный цвет фашистского знамени тщательно скрывался в художественных фильмах, эту тему обходили стороной. Лично я в детстве и подростковых годах считал, что флаг фашизма – коричневый...

8

В самом названии этого эссе заложена двусмысленность: мы говорим о метафизике *красного цвета* или о том, что *сама метафизика* есть носитель красного цвета, требует метафоры красного цвета, открывается в красном цвете?..

К первой стороне проблемы мы прикоснулись, пришло время взглянуть и на вторую. Да, для большинства людей – как обыденных, так и творческих – метафизика обнаруживается *благодаря* красному цвету: цвету воспаления и вырвавшейся на поверхность крови в ранах и родах – цвету предельной ситуации и предельного состояния.

Однако мы можем допустить, что есть творческие личности, для которых метафизика открывается в других цветах – голубом цвете неба, желтом цвете плода и солнца, в серебристом сиянии луны, в многоцветии радуги – цветах *запредельных* ситуаций и состояний.

Тех ситуаций и состояний, где красный не доминирует, а лишь дополняет картину...

2018

ЭРОС И ВРЕМЯ

1. Эрос под ветром времени

1

Эрос противостоит времени. В отличие от секса, который *порождает время* в человеческом бытии, эрос находится в Вечности. Или точнее: *эрос притягивает Вечность в человеческое бытие*.

Будучи единением мужчины и женщины на духовно-душевном уровне, эрос дает возможность жить *над* временем. Однако это не означает свободу от времени. Эрос вновь и вновь сотрясает *ветер времени*. Он заставляет его дрожать и порой изменять своей природе.

Для того, чтобы понять это, нужно прежде всего осознать, что такое ветер времени. Что означает эта метафора?

2

Метафора «ветер времени» выражает глубинную природу времени. *Время – это внутренний ветер*.

Этот внутренний ветер постоянно пронизывает Эрос, раскачивая его духовно-душевную природу. Внутренний ветер времени является в Эрос в виде секса.

3

Секс в человеческом мире вообще может быть осознан как синоним времени.

Дитя как существо-вне-времени входит в мир времени через половое созревание, означающее *озабоченность* и заставляющее смотреть на время. Влюбленные ждут свидания, подстегивая неторопливый поток времени, выдумывают образы полярных медведей «трущих земную ось» для ускорения момента встречи, а потому не случайно представляются в гротескных изображениях под часами.

Осуществленный Эрос освобождает от времени. Он входит в нашу жизнь и, словно стеной, защищает от ветра времени. «Влюбленные часов не замечают», – говорим мы, глядя на искренне соединившихся и отданных друг другу мужчину и женщину.

Однако все это только на первый взгляд. Проходит несколько часов, месяцев или лет, и ветер

времени разрушает стену Эроса. Так происходит не всегда, но очень часто. Причина этого в том, что в человеческом бытии любовь соседствует с влюбленностью, имеющими совершенно разную природу. Любовь – это дар творчески развивающейся личности. Влюбленность – повторяющаяся случайность личности, живущей вне подлинного творчества. Поэтому влюбленность пребывает во времени, а любовь – в Вечности. Личность, не знающая глубины творчества культуры и творения себя и мира, обречена на бесконечную *смену влюбленностей без любви*, после каждой из которых одиночество становится еще острее и глубже.

Итак, любовь – это Эрос, который не сгибается под ветром времени.

4

Подлинное творчество есть *творение* своего бытия, а не только продуктов культуры. Вне такого творчества личность погружается в скуку обыденности или тоску предельности, а потому замыкает свое бытие лишь во времени, отчуждаясь от Вечности.

Личность, включенная в творение своего бытия, открывается Вечности. Она становится

достоянием Вечности, но не в том пошлом смысле, который присутствует в речах на юбилеях и похоронах, а в смысле актуальном и живом, пребывающем *внутри личности* – не в словах и объектах, а в Слове и Бытии.

Это и есть подлинный Эрос, который выходит за пределы иссушающего ветра времени.

2. Эрос и геометрия времени

1

Время в человеческом бытии осваивается и отражается в трех формах: круг, линия, спираль.

Самая простая форма освоения времени – кругообразная. Человеку проще всего представить время в виде бесконечно повторяющегося цикла, все изменения в котором несущественны. Это наиболее простой способ уйти от трагического вопроса о собственной конечности.

Я когда-то родился, затем когда-то уйду, но обязательно появлюсь снова и *повторюсь* – точно так же, как и солнце каждое утро или луна каждый месяц.

2

Жизнь человека есть стремление к победе над временем. Время глубинно тревожит человека. Но он вновь и вновь воспроизводит его. Поэтому, хотя *проще* всего принять время в виде круга, и в этой бездне ноля утопить тревогу, человек вновь и вновь пытается разомкнуть круг в линию. Чаще всего у него получается *отрезок* – прямая, ограниченная началом истории и ее концом. Время как прямая и замкнутая, *конечная* линия предполагает наличие трансцендентного мира, где началась история, и где она будет продолжена.

Поэтому, когда время представляется в виде отрезка, то всегда в сокровенной глубине сознания подразумевается бесконечная прямая, концы которой покидают мир.

3

Круг и линия могут соединиться только в спирали. Конечно, такое соединение возможно и в синусоиде, ползущей по времени, как змея, но это лишь частичное включение в себя и круга, и спирали, включение *плоскостное*. Как плоскостное образование, синусоида не может по-настоящему

содержать в себе ни круг, ни линию. По-настоящему они соединяются только в пространственном образовании – спирали.

Спираль позволяет нам понять и *увидеть* живую цикличность времени.

4

Можем ли мы предположить, что любой человек живет в спиральности времени уже потому что *он человек*? Так, например, человек обыденного бытия повторяет по спирали циклы своей жизни – от выпускного бала, свадьбы, рождения детей до их выпускных балов, свадеб, рождения их детей и т.д., постоянно участвуя в обновляющемся жизненном сериале. А человек предельного бытия по спирали движется от картины, книги, фильма к новой картине, книге, фильму, изредка или часто меняя при этом партнеров и коллективы...

Но лишь на первый взгляд кажется, что человек обыденного и предельного бытия движутся по спирали. Человек обыденности, выходя на новый уровень с каждым новым поколением своего рода, рано или поздно замыкается в круге, и если он освобожден от *возбуждающей суеты*, то неизбежно испытывает скуку. Человек предельного бытия

совершает акты целеустремленности – интенциональные уколы себе и жизни, стремясь достигнуть максимального результата в каждом произведении, и если он задает вопрос о смысле полученной власти и славы, его охватывает тоска.

И лишь человек запредельного бытия, выходящий от кровно-родственного и властного отношения к со-творчеству с Другим, способен действительно пережить время *своего* присутствия в мире и *всего* мира как разомкнутую спираль.

5

Очевидно предположить, что круг, как образ времени, может быть соотнесен с женским началом, прямая – с мужским, спираль – с андрогинным. Синусоида, возможно, раскрывает природу гермафродитного начала.

Размышляя далее, можно предположить, что круг есть выражение женского как *душевного* начала, прямая – мужского как *духовного*, спираль – андрогинного как *личностного*.

Предложенное в предыдущем сюжете размышление исходит из самоочевидного соотношения круга с женским, а линии – с мужским. Действительно, круг напоминает женские половые органы, а линия – мужские; но дело не только в этом. В круге символически выражена женская подчиненность цикличности и, одновременно, *сознательное стремление* к цикличности, тогда как в линии явственно проговаривает желание мужчины покинуть цикличность и разрушить или хотя бы *проткнуть* пределы.

Это позволяет предположить, что круговое восприятие времени характерно для матриархальных культур, а линейное – для патриархальных.

На этой основе логичным будет предположение о том, что спиральное понимание и переживание времени есть характеристика культур андрогинных. Но были ли такие культуры в истории человечества? Первоначальное размышление приводит к тому, что история не знает андрогинных культур, она содержит в себе лишь *элементы андрогинности* в каждой культуре.

Являются ли эти элементы наиболее плодотворными? Утвердительный ответ является

следствием признания плодотворности гармонического соединения двух начал в новую целостность. Спирально понимаемое, переживаемое и бытийствующее время поднимает личность и культуру над ограниченностью мужского и женского, матриархального и патриархального.

7

Спиральное андрогинное время ближе к Вечности. В нем органичней звучит всеединство времен – гармония прошлого, настоящего и будущего, которая переживается в состоянии восхищения. Лишь в стихии спирального времени человек способен действительно восхищаться.

Во времени круговом и линейном человек не способен почувствовать отличие возбуждения и восхищения. Это означает, что и в обыденном, и в предельном бытии стерта грань сексуального (возбуждение) и эротического (восхищение).

Ибо секс отличается от эроса как возбуждение от восхищения. Возможно, это самое глубинное их отличие. Но точно так же, как *плодотворный секс* невозможен без эроса и наоборот, возбуждение и восхищение могут существовать только в единстве. При этом нужно осознать два обстоятельства.

Первое: возбуждение и восхищение не соотносятся как мужское и женское. Возбуждение – это способ проявления мужского и женского в обыденном и предельном их бытии. Восхищение – способ проявления личностного, андрогинного в предельном и запредельном.

Второе: возбуждение и восхищение – это соединение бессмертного и созидающего бессмертие Эроса со смертным и порождающим смертное, сексом. Для личности одинаково важным есть и первое, и второе – как опыт конечности, так и опыт бесконечности. В единстве конечного и бесконечного появляется опыт подлинно вечного. Полноценная, насыщенная душевностью и духовностью Вечность, возможна только как результат встречи конечности телесно-сексуальной сферы и бесконечности сферы личностно-эротической.

Подлинный Эрос как носитель Вечности включает в себя и секс. Отчужденный от секса, Эрос есть лишь опыт пустой эстетизированной бесконечности, опыт отрицания времени. И вместе с тем, подлинный Эрос отличается от секса, ибо секс в человеческом бытии вновь и вновь стремится к самодостаточности бытия-во-времени, он стремится быть вне Эроса. Чистый Эрос – это бытие-вне-

времени, поэтому эрос и секс соединяются очень сложно и трагически. Это соединение действительно запредельно для человека.

Попробуем понять почему.

3. Рождение времени: секс и оргазм

1

В отличие от Эроса, который есть бытие-вне-времени, более того, бытие-над-временем, секс – это бытие-во-времени. Более того, именно секс порождает время в человеческом бытии – через рождение и смерть, новое рождение и новую смерть.

В оргазме – этой точке встречи секса и Эроса, времени и Вечности, происходит встреча смерти и рождения. Это вызывает освобождающий характер оргазма – он дает глубинную разрядку не только телу, но и душе. Такая разрядка поднимает над временем. Человек на мгновение возносится над стенами лабиринта обыденности-времени, в котором он скитается. Однако потом он вновь падает среди этих стен.

Человеческий оргазм, вознося над временем, оставляет после себя *последкусие еще более глубокого погружения во время.*

2

Именно секс порождает *циклы времени* в обыденном бытии человека. Первый цикл времени человека обыденности, который также можно назвать *циклом жизни*, - цикл полового созревания до *момента возможности* стать отцом или матерью. После этого цикл повторяется – весь смысл существования концентрируется в детстве – уже не в собственном, а в *новом* детстве своих детей.

Второй цикл завершается после полового созревания детей. Если после этого они по каким-то причинам не заводят детей, человек обыденности переживает острый смысложизненный кризис и отчуждение от близких. Но если рождаются внуки, то начинается третий цикл, почти не отличающийся от второго – вновь переживается детство внуков, *делающее жизнь осмысленной.*

Таким образом, человек обыденности становится взрослым лишь став родителем. Без этого обретение статуса взрослого для него невозможно. Но он является не взрослым, а по сути, *вечным подростком*.

Сначала им управляют собственные гормоны, а потом гормоны его детей и внуков.

4. Секс и Эрос: возбуждение и восхищение. Ускорение времени и его остановка

1

Секс порождается возбуждением, Эрос – восхищением. Возбуждение всегда пребывает во времени, восхищение – находится в Вечности. Это позволяет восхищению порождать вдохновение у личности, на которую оно направлено.

Эрос появляется там и тогда, где и когда восхищение возносит нас на вершину духовно-душевной жизни. Однако восхищение способно подавлять возбуждение и делать секс невозможным. Такое восхищение инфантильно по своей природе;

оно отрицает телесность и вместо просветления секса толкает его в бездну порно. Восхищение, которое *полностью подавляет возбуждение*, направляет человека на поиски сексуальных объектов, половые связи, с которыми *будут полностью лишены восхищения*.

В результате бессмертная личность не использует опыт бытия-в-сексе смертного тела для актуализации, а увязает и тонет в нем, как бабочка, попавшая в мед.

2

С другой стороны, секс обыденного человека, который *путает возбуждение и восхищение*, означает такой суррогат восхищения, который унижает его природу. В итоге также происходит проваливание в бездну порно, но уже не с другим субъектом, а с тем, кого любишь и восхищаешься...

Это приводит к нарастанию чувства вины, которое способно со временем выхолащивать или извращать сексуальность.

3

Подлинное восхищение вступает с возбуждением в союз; оно не заменяет и не отменяет возбуждение, оно соединяется с ним, унося в запредельное и личность, и тело.

4

Оргазм как высший итог сексуального возбуждения может и должен соединяться с катарсисом – глубинным проявлением восхищения.

Лишь в этом случае личность будет проявлена в своей целостности; а также то единение личностей, которое мы называем любовью.

5

Возбуждение ускоряет время, тогда как восхищение останавливает его.

Возбужденные мужчина и женщина могут становиться животными (красивыми или безобразными), восхищенные, они могут превращаться в богов. Или в *призраков*. Ибо восхищение, не перерастающее в *творчество*, *способное восхищать*, делает человека призраком.

Он застывает возле объекта восхищения или движется следом за ним и становится все менее реальным.

Восхищенный человек должен восхищать в ответ – это и называется любовью. Однако для этого нужно возбуждение творца, которое разогревает его телесность для творческого акта. Таким образом, ускорение и остановка времени, соединяясь, приближают человека к Вечности, в которой свершается творчество и сотворчество.

5. Секс и порно

1

Вернемся к проблеме порно. Сейчас важно понять, что секс, отчужденный от Эроса, превращается в порно *всегда*. Ибо человек *всегда* несет в себе надстройку личности-Эроса, как любовного соединения духа и души; деактуализация такого соединения с неизбежностью приводит не к очищению, а загрязнению, *извращению* секса – из сексуальной сферы исключается личность.

Чистый секс рано или поздно превращается в грязный секс – в порно.

2

Секс обыденного человека, секс, полностью слитый со временем, делает из личности *объект* возбуждения и *предмет* страсти. Безликость человека в сексе и есть порно в самом широком смысле слова. Порно – это секс, в котором любовь заменяется на возбуждение и страсть.

Другое дело порно-*графия*, в которой мы имеем дело с трансформациями Эроса, пытающегося прорваться от восхищения к возбуждению, и секса, движущегося от возбуждения к восторгу и трансу, но вновь и вновь попадающих в ловушки.

Что это за ловушки? И какие *архетипические приманки* находятся в ловушках, вновь и вновь заставляющие людей попадать в них?

6. Эволюция порнографии: бытие и изображение

1

Проблема порнографии с возникновением Интернета стала масштабной и всечеловеческой.

Доступ к изображениям откровенных действий с половыми органами вне свободы и любви, – а именно этим и является порнография – стал предельно легким и доступным.

Но не является ли эта легкость повторением того, что уже было на заре развития человеческого рода? *Не было ли то, что мы называем порнографией, естественным для нашего архаического предка?* Речь идет о том самом человеке позднего палеолита, который пребывал в групповом браке и постоянно находился на грани жизни и смерти.

2

Мы можем допустить, что палеолитический человек кроманьонского типа жил в двух режимах – *выживания* и *изобилия*, между которыми время от времени возникал период *относительного изобилия*.

Режим выживания означал ситуацию элементарного голода, когда человек думал не о продлении рода, а лишь о самосохранении. Воля к самосохранению подавляла волю к продлению рода, человек, по сути, *гермофродитизировался*.

Режим изобилия предполагал *временное* обилие пищевых ресурсов, тогда зов пола актуализировался, мужчины становились доминантными существами,

которые, вступая в конкурентную борьбу за женщин, стремились оплодотворить максимальное их число. Так как люди жили в пещерах или в больших родовых хижинах, все это происходило на глазах у всех, *публично*.

Ситуация созерцания множества совокупляющихся людей в периоды изобилия вошла в архетипические слои подсознания и поэтому сегодня вызывает эйфорические чувства у множества современных людей обыденного бытия и мировоззрения, созерцающих порнографию в разных ее видах.

3

Выше было сказано о гермафродитизации в ситуации выживания. Является ли оно сугубо человеческим явлением? Нет. Гермафродитизация как *деактуализация пола* и *гиперсублимация сексуальности* характерна для всех животных вне брачного периода, но ее время регулируется инстинктивными программами, а не обстоятельствами.

Человек как *пансексуальное существо*, способное вступать в половые отношения в любое время, определяет время половых отношений *сам* и ограничен лишь ресурсами, здоровьем и

экзистенциальными состояниями, которые могут притупить и даже уничтожить возбуждение (страх, ужас, отчаяние, гнев), могут предельно усилить его (власть), а могут и приподнять над бездной животной страсти (надежда, вера, любовь).

4

Архетипической в порнографии есть ситуация лишения женщины свободы – через удерживание, связывание, психологическое унижение и т.д. Вероятно, в эпоху позднего палеолита при постоянных столкновениях разных общин, пленных женщин обездвигивали для занятий с ними сексом. В подсознании это глубинно увязывается с воинской доблестью, успешностью, победоносностью, поэтому данный мотив широко представлен в современной индустрии порно в Интернете.

Кстати, *большая сексуальность чулков* по сравнению с колготами, вероятно, связана с тем, что они *напоминают пуги* – ремни и веревки, связывающие ноги.

5

Лишение женщины свободы архетипически связано с наказанием.

Мы можем предположить, что, начиная с мезолита, появляется относительное изобилие, рожденное излишками, порожденными более эффективными методами присвоения ресурсов (охота при помощи силков, загонная охота на стадных животных, рыболовство и т.д.); это довольство, дало человеку возможность брать пленных.

Сначала это были дети и женщины. Дети отправлялись под надзор воспитателей, которые трансформировали их идентичность в направлении идентичности победителей, а женщины становились сексуальной добычей. Эту добычу нужно было укротить. Укрощение означает наказание. С тех пор удовольствие от наказания пленниц отложилось в глубинных слоях подсознания мужчины и путешествует от цивилизации к цивилизации до наших дней.

Отсюда в сексуальных играх современных мужчин и женщин столь силен мотив лишения свободы и наказания, а в порнографии появляется целый пласт или даже *субкультура* изображений, связанная с наказаниями женщин, как правило обездвиженных путами.

Как показывает практика андрогин-анализа, это приносит возбуждение не только мужчинам, но и женщинам. За многие века порабощения в

бессознательном почти каждой женщины образовался устойчивый комплекс мазохизма, который при ряде факторов становится *поведением* и даже *отношением к себе и миру* – смысложизненной установкой.

6

В эпоху неолита пленниками становились уже не только дети и женщины, но и мужчины. Это знаменует переход от общинного строя к рабовладению – в условиях земледелия и скотоводства прокормить можно было и рабов. Более того, рабы сами становятся кормящим-производящим сословием, освобождая их владельцев от забот повседневности. Это становится условием перехода от дикости и варварства к цивилизации.

Сначала мужчины-рабы были стихийным явлением; возможно для закрепления доминирования над ними производились гомосексуальные акты над побежденными, имевшие магический смысл и символически *приравнивавшие их к женщинам*. Постепенно рабовладение превращается в социальную технологию, которая достигла развитых проявлений сначала в Древнем Египте, а затем – своих классических форм в Греции и Риме. В условиях рабовладения как технологии

необходимость в гомосексуальном унижении как символической легитимации отпадает; исчезает и возможность такой легитимации как обязательной.

Сексуальное унижение мужчины-раба не закрепилось в бессознательном столь же прочно, как и женщины-рабыни. Это объясняет меньшую распространенность в субкультуре современной порнографии актов сексуального насилия и унижения мужчин. Однако в местах *лишения свободы*, рядом с временным рабством, которое является технологией со стороны государства, мы видим *стихийное* архаическое рабство в отношениях заключенных, когда статус раба-«*опущенного*» закрепляется гомосексуальным актом или даже формированием гомосексуальных пар, в которых, впрочем, пассивный партнер может выходить за пределы роли раба.

7

В любом порно в человеческом бытии – сексе, оторванном от Эроса, присутствует воля к смерти, воля к уничтожению – танатический элемент. Это присутствие обуславливается отрывом от Вечности, в которую человек выходит благодаря Эросу в его творческом и сотворческом могуществе.

Естественно предположить, что в культуре все порожденное сублимацией сексуальности, тоже явно или скрыто танатично.

Итак, порно в человеческом бытии – это секс, оторванный от Эроса, и сублимативные трансформации этого секса – все то, что затягивается в воронку смерти.

Но в практике порно в человеческом бытии есть формы, непосредственно связанные со смертью. Это сфера пыток и казней и операций, приводящих к гиперконтролю над человеком и обществом. Одной из важнейших категорий этих действий – кастрация рабов и евнухов, практиковавшаяся в истории человечества несколько тысячелетий в физических формах, а последние несколько столетий – в социально-психологических и моральных формах.

Но это уже сфера государственно-общественного порно, той нравственной и экзистенциальной грязи, которая окружает человека и человечество с момента обретения разума и преодоление которой – важнейшая задача *разума*.

7. Овладение временем: любовь

1

Любовь – это реальность, в которой время останавливается. Двое застывают в сияющем «сейчас». Бывает, что в этом «сейчас» застывает один или целое сообщество. Но для нашего вида двое являются предпочтительными – бросая вызов времени, они способны вращать друг в друга на душевном, духовном и телесном уровнях.

Однако застывание времени приводит к *застыванию любви*. Поэтому для любви важно не отрицание, а *преодоление* времени. Действительно, в подлинной любви время трансформируется. Возникает *всеединство времен* – прошлое, настоящее и будущее соединяются в удивительном синтезе.

Это открывает для личности возможность прикоснуться к Вечности и войти в нее. Возникает действительное, а не иллюзорное *бытие-вне-времени*.

А при творческом и сотворческом взаимодействии – появляется *бытие-над-временем*.

2

Если допустить, что любовь в мире людей возможна в трех ипостасях: любовь к себе, эротическая любовь и, наконец, сверхэротическая любовь, то именно эротическая любовь есть точка опоры, которая позволяет любви к себе не замкнуться в эгоцентризме, а любви ко всему сущему не стать пустой абстракцией.

Эротическая любовь – это *реальность над-временной целостности людей*, той целостности, которая является смыслом и исходом любви к себе и условием любви к миру.

3

Подлинная эротическая любовь есть бытие-над-временем, которое не отбрасывает время, а переполняет временем. Это уже андрогинная любовь, в которой две целостные личности соединяются в *сверхцелое*.

Эта любовь – такая концентрация прошлого, настоящего и будущего, что время перестает существовать.

Прошлого, настоящего и будущего уже нет в их отдельности. Они врастают друг в друга, создавая

новое качество присутствия в мире и переживания этого присутствия рядом с любимым.

4

Любовь в могуществе своей целостности дает нам возможность овладеть временем.

Оно перестает вращать нас вместе с детьми, внуками и учениками по кругу обыденности. Мы побеждаем и его линейный характер, в котором внешняя сила определила начало и апокалиптический конец пребывания в потоке времени.

Время становится свободным спиральным восхождением, в котором постоянно воскрешается все лучшее из того что было. Но это воскрешение равносильно новому рождению. Единство возрождения и обновления и есть Вечность.

Магия Любви свергает время с трона всемогущего господина сущего.

И мы понимаем, что время – всего лишь зародыш Вечности...

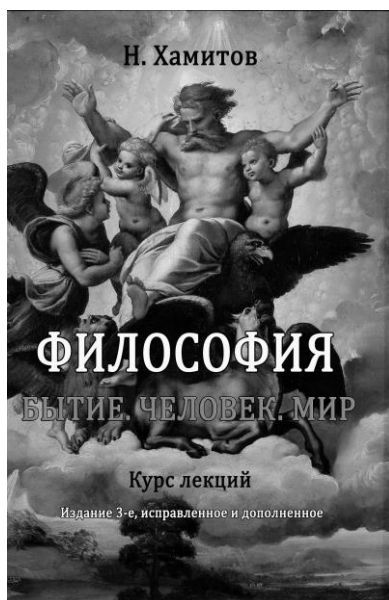
2018

Друзі! Видавництво КНТ пропонує книги:

Що є самотність? Чи завжди вона є стражданням? Що таке зовнішня та внутрішня самотність? Чи є різниця чоловічої та жіночої самотності? У своїй книзі автор відповідає на ці питання, створюючи оригінальну методологію для осягнення феномену самотності. Вона визначається як **метаантропологія** – вчення про екзистенціальні виміри людського буття та умови особистісного виявлення і комунікації у цих вимірах.

Для науковців, студентів, аспірантів, всіх, хто цікавиться проблемами особистості.

Этот курс лекций в 3-м, исправленном и дополненном издании, без сомнения, привлечет студентов, аспирантов, преподавателей и ученых — в ясной, образной форме автор рассуждает о фундаментальных проблемах философии. Н.Хамитов предлагает новую парадигму философии человека — **метаантропологию** — учение о человеческом бытии в обыденных, предельных и запредельных проявлениях мужского и женского.

Это учение стало основой **актуализирующего психоанализа**, а также **андрогинанализа** — метода изучения и глубинной коррекции отношений мужчины и женщины.

Курс лекций будет интересен специалистам самых разных областей: философам, психоаналитикам, психологам.

Однако книга рассчитана и на более широкий круг читателей, ибо в ней раскрываются темы одиночества и любви, смерти и бессмертия, страдания и смысла жизни — всего того, с чем человек любого возраста сталкивается ежедневно и что глубинно волнует каждого из нас...

Н.В. Хамітов

ФІЛОСОФСЬКА АНТРОПОЛОГІЯ

актуальні проблеми

**Від теоретичного до
практичного повороту**

Автор починає монографію з осмислення методологічних проблем сучасної філософської антропології, і, окресливши власну методологію, показує, як вона працює у вирішенні як загальних теоретичних проблем цієї царини філософського знання, так і проблем, що стосуються теперішнього українського контексту – переходить від теоретичного до практичного повороту.

Для науковців, студентів, аспірантів, всіх тих, хто цікавиться проблемами філософської антропології.

Наукове видання

Н.В. Хамітов

**ФІЛОСОФСЬКО-
АНТРОПОЛОГІЧНІ
ЕСЕ**

У редакції автора

Підписано до друку 28.03.2018. Формат 60x84 1/16
Ум.друк.арк. 17.75. Папір офсетний.
Друк офсетний. Тираж 1000 прим.

ТОВ «КНТ» Тел.(099)555 19 80

E-mail:knt2012@ukr.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 581
від 03.08.2001.